

Десерт
у кашни
№18
В.-Ф.

Содержание Рубрики

От редакции	2
Наши друзья	
Первый класс для писателей: Портрет	25
1000 символов	34
Благодарности	43

Проза

Нереалист	3
Кирилл Сорокин	6
Андрей Евсеенко	18
Анна Селевич	30

Стихи

Денис Давыдов	5
Светлана Стихач	17
Евгений Лесик	22
Риммристая	29

Рисунки

Анна Malokion	Обложка , 24 , 28
Ирина Жорушкина	4 , 16 , 21

Здравствуйте, дорогие читатели!

Перед вами 18 номер нашей творческой газеты. Вашему вниманию предлагается более сорока страниц интереснейших текстов и рисунков. Многие фамилии в содержании знакомы нашим постоянным читателям. Не первый раз публикуются у нас Кирилл Сорокин, Андрей Евсеенко, Светлана Стихач, Евгений Лесик, Риммристая, Ainiira Malakion, Ирина Жорушкина. Однако, некоторые из этих авторов выступят в не привычных для вас ролях.

Так, Риммристая до сих пор публиковала у нас лишь небольшую статью о творчестве. Сегодня же вы познакомитесь с ее замечательными стихами. Светлана Стихач, рисунки которой украшали страницы одного из прошлых номеров, также предстанет в этом номере, как поэт. Более того, на этом таланты Светланы также не заканчиваются, в этом вы сможете убедиться в следующем номере.

Присутствуют в номере и новые для нас имена. Так, первым произведением в номере идет комический текст «Конец книги», автора с псевдонимом Нереалист. Также впервые на страницах газеты публикуются Анна Селевич и Денис Давыдов.

Кроме того, сразу два дружественных проекта публикуют в этом номере победителей своих конкурсов. Первый — это уж знакомая нам группа на сайте Вконтакте [«Первый класс для писателей»](#), в которой в апреле прошел конкурс на лучший литературный портрет. Так получилось, что в номер прошли произведения, занявшие 2 и 3 место в конкурсе, так как оба они уступали победителю именно по части портрета. При этом они являются более целостными произведениями, и, безусловно, представляют интерес для читателей.

Второй проект пока не знаком нашим читателям. Он носит название [«1000 символов»](#). Конкурс в этом сообществе проходил с сентября 2012 по март 2013 года в несколько этапов. Вашему вниманию предлагается отрывок из текста, занявшего первое место.

Приятного чтения!

Всегда ваша Редакция БУКа!

Нереалист

Конец книги

Она сидела на подоконнике в своем замке. Серебряным ножом отрезала кусочки дыни и изящным жестом отправляла их в рот. Свежий ветер считал за честь для себя играть ее волосами. Приветливое солнце создавало для нее театр теней и рассказывало забавные истории. Она была божественна.

— Кхм. Кхм. Начнем?

— А, это ты, дракон. Я говорила, что ты похож на жабу?

— Зато мух ловить удобно, — выпалил дракон заготовленную фразу. — Начинаем похищение? Похиться, пожалуйста. Мне уж пора на крыло становиться. Вот, кстати, принес фотографии башни. Невысокая, третий этаж. Вид из окна на море. Солнечная сторона. Плазма на пятьдесят четыре дюйма, холодильник "Розенлев". Контракт на поставку дынь с Узбекистаном уже подписан.

— И сколько мне там томиться?

— Две минуты, не больше. Я уже со всеми договорился. Все уже ждут.

— А можно всех посмотреть?

— Опять? — дракон вздохнул. — Конечно, можно.

Принцесса и дракон перешли в другой зал. Присутствующие в зале быстренько подтянулись и выстроились в шеренгу. Дракон щелкнул пальцами, в его лапе появилась папка.

— И так, вот рыцарь. Вот его геральдические грамоты. Истинный принц, чистокровный ариец. Вот меч, которым принц сразит меня, и заключение экспертизы. Является холодным оружием, очень опасен. Вот конь. Масть белая. Арабский скакун. Это повар. Франция. Школа Le Cordon Bleu. Преподаватель. Это трубадур. Он опишет твою красоту и подвиг рыцаря. Список печатных изданий, отзывы критиков.

Дракон склонился к плечу принцессы.

— У него даже есть рецензия Мошкова. Это горничная. Les Roches International School of Hotel Management. Три языка, преподавание йоги.

— Ну, я же просила... — Принцесса остановилась и недовольно глянула на дракона.

— Сей момент, прошу прощения, запомятовал, — дракон щелкнул пальцами.

— Вот горничный. Киевский институт гостиничного хозяйства. Бицепс сорок два, остальное тоже сорок два.

— Принцесса покраснела и часто задышала.

— Пардон! Я имел в виду, по вороту сорок два и размер ноги тоже сорок два, — быстро исправился дракон.

Впервые принцесса дошла до конца списка.

Самым последним стоял мужчина средних лет. Был слегка помят и с задумчивым взглядом.

— А это кто?

— Это Автор. Начинаящий, но очень перспективный автор. Поверьте, не подведет. Все будет на высшем уровне.

— Нет. Все. Автор мне не нравится.

Принцесса вышла из зала, хлопнув дверью. Возникла неловкая пауза.

Первым начал принц.

— Ты, это, автор. Давай, завязывай. Я сколько в латах париться буду? От меня уже собственный конь шарахается.

— Действительно, сколько можно? — загомонили все.

— А я беременная, — пискнула горничная.

Горничный из киевского института покраснел и спрятал взгляд.

Все стали собираться вокруг автора, медленно сжимая кольцо. Дракон блеснул клыками.

Повар из Франции перехватил поудобнее сковородку.

— Хорошо, хорошо! Смотрите, пишу.

Автор открыл рукопись, достал карандаш и сделал запись: "Эпилог. Принцесса никогда, никогда не вышла замуж. И оставалась в своем замке до глубокой старости. END."

— Довольны?

— Да! — дружно рявкнули все и потянулись к выходу из замка.

Автор рисунка: Ирина Жарушкина

Денис Давыдов

Маме

Придешь во сне и тёплой рукою
Коснешься головы, и мир замрёт...
И пусть бывает холодно порою —
Твоё тепло всегда во мне живет...

И льется по щеке дрожащей солью
Бескрайняя тоска, и в этот миг
Вокруг всё захлебнется глупой болью...
А думал, что уже почти привык...

И кто решил, что время всё излечит?
Сомнительная фраза... Дрожь в руках...
Под тяжестью опять ссутулил плечи...
И боль непонимания в глазах...

Как в детстве, своей теплою рукою
Коснешься головы и скажешь мне:
«Сыночек, я в душе всегда с тобою!»
.....
Как жаль, что это всё опять во сне...

Саре

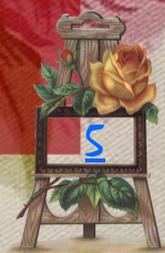
Броской, бесстыжей поступью белый снег...
...липнет, цепляет ботинки так быстро, в миг!
Скоро, наверное, будет почти что век
Как я от вкуса подсолненных слез отвык...

20-11 – что за безумный год???
Запахом бреда и горя ворвался в дом...
Если бы можно было всё знать вперед,
Я совершенно точно не жил бы в нем...

Просто его пролистал бы, не стал читать!
Словно страницу, вырвал бы точно в раз!
Только приходится соль эту вновь глотать,
Ту, что предательски снова течет из глаз...

Год, у которого совести – ни на грамм!
Только упрямая жесткость и холод рук...
Пусть даже Вы — мой враг, не желаю Вам
Знать, что у мамы сердце не бьётся... вдруг...

Броской, бесстыжей поступью пьяный год
Липнет, терзает душу в который раз...
Как бы хотел я спать... И проснуться смог,
Чтобы предательски вновь не текло из глаз...

Кирилл Саракин Разум

— А у нас, Славка, слышь, домовой завёлся! — дед то ли покопался твёрдыми, как высохшие деревяшки пальцами в короткой бороде, то ли поскреб подбородок, как всегда хитро посмотрев на внука.

— Я этому домовому бороду-то повыдергаю! — тут же глухо отозвалась из подпола бабка. — Я ему подштаники-то узлами позавязываю, как он мне рубахи! Домовой! По грядам у нас тоже домовой топтался? А следы точь-в-точь как у твоих сапог резиновых.

— Я и говорю — домовой. Нешто я бы себя выдал, а, Славка? Славик, весело улыбаясь, покачал головой.

— Вона как, понимаешь. Выхожу утром до ветру, глядь, а сапоги мои в грязюке все. Будто ходил в них кто, свежая грязь-то...

— Ты когда это до ветру в сапогах ходил? Ты ж с крыльца не соступаешь!

— Молчи, баба! Я мало ли по какой нужде собирался. А перед тем чего было, Славка: вечером покурить вышел, на сон грядущий, перекурил значит, только в хату идти, смотрю, а у дровника стоит... Ну, чисто, знаешь, этот... секундхенд, по тиливизеру я таких видел. Худющий, лысый, рожа страшная. Только исчез, я и сморгнуть не успел.

— Э... Скинхед что ли?

— Он, родимый.

— Дед, — Славик, с трудом удерживая подступающий приступ смеха, доверительно наклонился к старику, — а ты что курил?

— Ну как... Свою, домашнюю. Добрая махорка. Сладкая. — Ты, старый, в зеркале себя давно видел? Так, чтоб полностью? Скинхеды ему мерещатся. Лысые и худые, — бабка, отдуваясь выставляла на пол у открытого лаза в подпол банки с солениями. — Ты кепку то сними, да и посмотришь. Может, узнаешь демона-то свово. Это ж взять и полбидона бражки в бочку с огурцами вылить! Ирод!

— Вот! Вот, Славка, рассуди, мог я такое сделать? Своими собственными руками чтоб, в здравом уме и твёрдой памяти?

— Ой! Какой там ум, какая память?!

— Нет, бабушка, не мог он такого сделать, — хрюкнув в кулак, заявил Славик. — Точно, барабашка у вас завёлся.

Дед браво вытянулся, сидя на колченогом табурете, и орлом посмотрел на бабуку, ползком поправляющую длинный полосатый половик.

— Я и говорю, домовой. Порох мне с махоркой смешал, поганец, добро ещё, что не всю попортил. Ночами туды-сюды вошкается, дверями хлопает, скажи ещё, что не так, баба?

— Да так, так. Чёрт этот старый храпит, что есть силы, а дверьми, всё одно кто-то ляпает. Не знаю, что и думать. Евтюхьевна тож мне по секрету жалилась, будто кто-то у ней шкодничает. Бельё, говорит, каждую ночь будто из лейки кто поливает — никак не высохнет. Это, говорит, только твой — больше некому. Уж я и клялась и божилась... Стыд-то какой!

— Не я это, — мрачно буркнул дед. — Не додумался. — Да она это так, по старой памяти. Видела она чегой-то, вроде, говорит, ангела. В сиянии, говорит, плыл. Прямо по двору. А как её огледил — исчез, с той поры и началось... За грехи, говорит, это ей.

— Давно пора, змеюке.

— Молчи уже! Гляди, чтоб самому ангела того не узреть. Всю жизнь мне испоганил...

— Пойдём, Славка, перекурим, что ли это дело, — дед поднялся со скрипнувшего табурета и подмигнул Славке.

— Да и поеду я уже. Дела ещё есть кое-какие.

— Погодите, курцы, — прикрикнула бабушка. — Вот, Славка, варенье тут. Клубничное, гляди, твоё любимое. Это, кажись, крыжовник, огурчики летошние... — бабка брала стеклянные банки с пола, протирала передником и, подслеповато, поднеся к свету в низком оконце, вглядевшись в содержимое, с глухим стуком ставила на покрытый старой липкой клеёнкой стол. — Ты бери сам, этому демону косолапому нельзя ж стеклянное в руки давать.

— Да много что-то, бабушка. Нам этого на год хватит.

— А ты матери отвези. Чего это она разболелась-то? Какая там такая работа в городе, что от нее хвореют-то? Газ тебе есть, вода горячая прям из крана льётся, в доме чисто, натоплено, скотины нет никакой. Баловство одно, а не жизнь. Откуда хвори? Славик пожал плечами.

— Отвезёшь вот ей и скажи пусть сама приезжает. Нечего. Ты бульбу-то взял?

— Взял мешок, мне больше пока не надо, да и не поместится. Приеду ещё.

— Ну, гляди. Приезжай. И Светку-то привози, а то взяли моду! Городские.

— Привезу, бабушка.

Славик, сидя с дедом на свежей завалинке, попыттел самокруткой, зарыл поглубже окурок, чтобы не ругалась показавшаяся в дверях бабушка, попрощался со стариками, хлопнул дверью и мягко тронул нагруженный «Гольф» с сырой, проседающей под колёсами, обочины. Выбрался на старый, ноздреватый асфальт деревенской улицы и покатил мимо разноцветных домиков с разорёнными осенними садами и огородами. Скоро мимо промелькнуло свежеекрашенное в ярко-розовый цвет здание клуба, сельсовет с серым, хитро прищурившимся железобетонным Ильичом посреди круглой клумбы и пара тусклых силосных башен. Снова пробежал короткий ряд домиков и дорога, вильнув, вырвалась в пустые поля с бродящими между борозд воронами.

— Вы разрешите к Вам присоединиться? — тонкий, похожий на детский, голос раздался откуда-то сзади, со стороны багажника. Славик резко обернулся, так что машина вильнула по дороге. В салоне, само собой, никого не было. На всякий случай, Славик проверил, не опущены ли стёкла, приглушил приёмник, прислушался к звукам движущегося автомобиля и, растерянно поёрзав в кресле, чуть придавил педаль.

— Пожалуйста, не совершайте импульсивных поступков. Я могу оставаться здесь, но мне бы хотелось...

Машина с визгом остановилась. Славик, путаясь в ремне безопасности, распахнул дверь и выскочил на дорогу, отбежал на несколько шагов, быстро походил взад-перёд, не зная, куда девать руки: он то совал их в карманы, то за ремень, то хватал себя за подбородок или приглаживал волосы. Потом ему подумалось, что нужно обязательно включить аварийную сигнализацию: он быстро подошёл к распахнутой дверце и, не глядя внутрь, нажал кнопку. В тишине успокаивающе защёлкало реле. Славик снова прошёлся вдоль обочины, неловко достал дрожащими руками сигарету и прикурил. Знакомое облачко сизого дыма добавило уверенности. Машина стояла посреди пустой дороги, распахнув водительскую дверь и мигая указателями поворотов. Внутри было пусто. В четыре затяжки выкурив сигарету, Славик вернулся к машине, нарочито спокойно прошёл мимо отражающих серое небо с бегущими облаками стёкол, взялся за ручку пятой двери и, нажав кнопку, отпрыгнул назад. В багажнике не было ничего подозрительного: большой бумажный мешок с картошкой, банки с соленьями, ящик с инструментом, обрезок шланга... Куда-то пропал маленький полосатый мешочек, который кто-то из стариков, ничего не сказав, сунул в багажник, а Славик не посмотрел что там. «Закатился, наверное...». Он захлопнул дверь, постоял немного, глубоко вздохнул и сел за руль.

— Здравствуйте. Извините, что... - в правом кресле сидел белобрысый мальчишка в растянутой, выгоревшей тельняшке, коротких серых штанах на помочах и босой. Славик снова толкнул, уже закрывающуюся дверь, зацепился носком за порог, упал и на четвереньках быстро отполз от машины.

— Ты кто? Ты откуда?...

— К сожалению, я не имею возможности в понятных вам категориях образов или же

терминов описать свою природу и место моего возникновения...

— Что?

— Чувак, ты однозначно не въедешь...

— Чего?

— Так. Сейчас я выйду и помогу Вам обрести контроль над своими эмоциями.

Пожалуйста, не...

Славик быстро развернулся и, по-прежнему, на четвереньках добрался до противоположной обочины.

— Сиди, где сидишь!

— Я хотел бы помочь...

— Я тебе сейчас помогу! — Славик нашарил на дорожной насыпи булыжник, встал на ноги и сделал шаг к машине. — А ну пошёл вон!

— Ваша агрессия не имеет оснований. Я не...

— Вали, говорю!

— Хорошо, — мальчишка исчез из машины и, через мгновение появился в пяти метрах справа.

— Иначе, Вы можете повредить своё транспортное средство.

— Та-ам и стой, а то я тебя сейчас поврежу, — от волнения Славика стал подводить язык. Он сделал ещё несколько шагов к машине, но мальчишка непонятным образом придвинулся ближе.

— Стой на месте! — выкрикнул Славик и сделал ещё шаг.

Мальчишка придвинулся ещё. Тогда Славик швырнул булыжник и рванулся к машине. Камень влетел точно в грудь даже не пытавшегося увернуться белобрысого и, не встретив сопротивления, полетел дальше, а через мгновение мальчишка оказался на водительском месте. Славик, часто дыша, остановился в метре от машины. Белобрысый мальчишка просительно смотрел на него подозрительно знакомыми голубыми глазами, ничего не говоря и не двигаясь. Славик заставил себя взять тайм-аут и попробовать успокоиться. Вокруг было тихо, пустая дорога терялась где-то на краю поля, где темнел застывший осенний лес, серая рвань в небе бежала над самыми верхушками деревьев и никак не хотела выпускать не небо солнце. «В конце концов, ничего особенного не происходит. Всё на своих местах. Надо просто разобраться».

— Ладно. Ещё раз: ты кто и чего тебе надо?

— Я же говорил, что не могу объяснить...

— Получишь!

— Мне нужно попасть в точку земной поверхности, находящуюся на пятидесяти двух градусах, пятьдесят одной минуте и шести секундах северной широты и двадцати семи градусах, четырёх минутах восточной долготы.

— Допустим. Для чего? Ты кто вообще, скажешь, нет?

— Я... — мальчишка мучительно соображал. — Я — Разум. Это лучшее, что я могу придумать для описания своей природы.

— Ага. Бестелесный.

— Да!

— Что «да»?

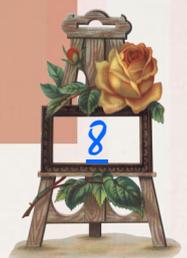
— Вы абсолютно точно меня поняли! — мальчишка исчез. Просто исчез, мгновенно и безо всяких спецэффектов. Над подушкой сиденья клубилось что-то похожее на маленькое облачко тёмного тумана. Потом облачко медленно стало принимать какие-то определённые очертания, и на сиденье оказался небольшой полосатый мешочек, а через мгновение — снова белобрысый, голубоглазый мальчишка лет двенадцати.

— О, чёрт...

— Да нет, почему же?

— Что?

— Мне кажется, вы ещё не вполне владеете своими эмоциями. Экстраполяция

мифических или религиозных образов в данном случае некорректна.

— Нормально говорить можешь? Разум, твою...

— Черт здесь совершенно не при чём. Так понятно?

— Я понял, ты - дедов домовой!

— Я же говорю...

— Говоришь, и ни черта не понятно. Если ты Разум, так и объяснил бы толково! Ты пришелец что ли?

— Да.

— Ну и откуда?

— Я не... Можно сказать: из параллельной реальности.

— Скользкий ты тип какой-то.

— Почему? — Разум оглядел себя. — А. Понял! Это сложно объяснить. Не для Вашего уровня восприятия. Извините. Мне очень нужна помощь.

—Пожалуйста.

В мальчишке было что-то трогательное, честное и непонятно-знакомое Славику. Да ну тебя. Куда тебе нужно попасть-то? Домой? Там... переход? Ничего что я со своего уровня восприятия глупые вопросы задаю?

— Мне нужно попасть в точку с координатами...

— Стоп. На карте покажешь. Далеко это?

— По кратчайшему пути из данной точки – шестьдесят километров. Вам по пути, отклонения не требуется.

— Откуда ты знаешь, куда мне с тобой по пути, а куда нет? Стой. Простыми словами, пожалуйста — и так голова не работает.

— Ну, как бы, ваши мыслишки в воздухе прямо болтаются. Бери, да смотри. Сечёшь? Славик, потер подбородок.

— Это слишком просто. Ты как-нибудь нормальным языком можешь, без крайностей

— Информационное поле, знаете?

— Понимаю. Дело тёмное.

— Как Вы себя чувствуете? Мы можем ехать? Мне нужно успеть до двадцати часов

— Шестьдесят километров мы до двадцати часов раз пять можем проехать. — Славик достал сигареты. — Будешь? Только не начинай лекцию о вреде курения. Разум виновато улыбнулся.

— Я не смогу испытать никаких ощущений.

— И объясни мне, пожалуйста, почему у меня крыша не едет.

— Крыша? А. Понял. У Вас достаточно гибкая психика. Я правильно выражаюсь?

— Вроде, да. Во всяком случае, я тебя понимаю.

— Кроме того, Вы находитесь в пределах досягаемости моего... э... поля. Как бы это сказать... Дело в том, что мы с Вами общаемся не только посредством звуковых колебаний.

— В мозги ко мне влез, да?

— Нет-нет. Чтение мыслей – это ваша, человеческая выдумка. Такое, в принципе не возможно в вашем случае. Но некоторый ментальный контакт вполне возможен даже на данном эволюционном уровне.

— Короче, влез. Ладно. Давай, что ли, я за руль сяду?

— Да, конечно, — Разум исчез с водительского места и тут же появился на пассажирском.

Славик затоптал окурки, огляделся вокруг и, покачав головой, сел в машину.

— Там, в бардачке — карта. Достань и покажи, куда тебе нужно, а то мне эволюционный уровень не позволяет по координатам сориентироваться.

Славик уже приготовился увидеть, как карта сама собой окажется в руках Разума, но тот обычным человеческим движением открыл ящик, достал дорожную карту, развернул её у себя на коленях, покрутил с ног на голову и ткнул пальцем в точку на изгибе дороги.

— Это здесь. Вообще-то я назвал приблизительные координаты. Мне достаточно

добраться до этой точки, потом всё равно потребуется некоторая коррекция.

— Покажи. — Славик взял карту, случайно коснувшись руки Разума. Рука была самая обычна, человеческая: тёплая и живая. — Чёрт, ты совсем как настоящий.

— Что Вас удивляет?

— Ну... Я же видел тебя... Таким, какой ты на самом деле.

— А. Это не сложно. Я могу принимать любую форму. Проще, конечно, копировать объекты неживой природы, но не намного сложнее симитировать любое живое существо или даже человека. Человек, кстати, не самый сложный организм в вашем мире.

— Ну да?

— Да, — Разум виновато развёл руками.

— А кто тогда?

— Вы с ними ещё не знакомы...

— С кем?

— С теми, что сложнее.

— Приехали!

— А может, и не познакомитесь никогда...

— Успокойл. Ладно, это дело не близкое, как я понимаю. И что, ты в кого угодно можешь превратиться? А в слона слабо?

— Размер и форма не имеют значения — Я использую не своё физическое... э... тело, плотность которого относительно мала, а... строю нужный мне объект из элементов, присутствующих в окружающем пространстве. В слона, наверное, могу. Показать?

— Не, не надо. Я тебе верю.

— Основная сложность в том, что для точного копирования нужны исчерпывающие данные по... конструкции объекта. Но у меня достаточно знаний о вашей фауне.

— Откуда? — Славик выключил «аварийку», запустил двигатель и тронулся вперёд.

— Библиотека в клубе. Информация там разрознена и плохо систематизирована, но на начальном этапе мне этого хватило. Затем я смог использовать вашу Глобальную Сеть.

— И что, там оказалось систематизировано лучше?

— Нет. — Разум с удивлением посмотрел на Славика. — Ещё хуже. Но на этом этапе я искал информацию по конкретным, интересующим меня аспектам.

— К проводам присасывался?

— Разве Вы не знаете, что информация передается в форме электрических импульсов. Что можно узнать «присосавшись» к проводу? Я использовал те же устройства ввода-вывода, что и люди.

— Я шучу. И, давай на «ты» что ли...

— Давай.

— Меня Славой звать.

— Я знаю.

— Да, действительно...

Славик вырулил на магистраль и разогнал машину. Разум увлечённо смотрел пробегающие мимо сосны и убранные поля.

— Слушай, а что тебе случилось на той горке, достопримечательности осматриваешь? И как ты вообще в деревне-то оказался, что там интересного?

— Это случайно. — Разум грустно вздохнул. — Так получилось. Совершенно неожиданно. Ошибка.

— В другое место собирался, да?

— Да. Теперь мне нужно вернуться, а ближайшее, подходящее для этого место, там, куда мы едем.

— М-да. Все пытаются из этой страны свалить... Не нравится, да?

— Нет, мне очень интересно! Но я должен быть в другом месте... Сегодня и завтра такая возможность наиболее вероятна.

— Ну, не переживай, успеем. Слушай, а ты не шпион? Какие-то там антенны торчат, я вспомнил, вроде военные. Ты может, вторжение организуешь?

— Зачем? — Разум изобразил искреннее удивление. — Для чего?

— Ну, не знаю. Может у нас есть что-то такое, что вам очень нужно.

— Поверь мне, нет.

— Вот так. Обидно даже как-то. — Славик вытащил из пачки очередную сигарету и чуть опустил стекло. — Не продует?

Разум покачал головой.

— Хотя, какой из тебя шпион, — он критически осмотрел съёжившегося в кресле Разума.

— Шпион бы так не оделся. Гаврош, блин. Ты кого скопировал-то, имитатор?

— Отца Вашей... твоей матери. Деда, да?

— Что?! — машина вильнула, выскочив на соседний ряд, и с визгом вернулась обратно.

— Дело в том, — Разум замялся. — Дело в том, что он был первым мыслящим существом, с которым я встретился. Это имеет значение. Я не могу объяснить, извини. Но, кроме того, между нами существует определённая когерентность. Э... как же это...

— Родство душ. — Славик выплюнул окурочек в форточку. — Это ты шкодничал?

— Совершал иррациональные поступки? Я.

— Шкодничал. Зачем?

— Я не владел необходимыми знаниями о данном социуме и принятых в нём нормах поведения.

Разум помолчал.

— Мне стыдно.

— Да ладно. Ничего так получалось.

— Да? Я заметил, что бабушка испытывала удовлетворение, поэтому считал это допустимым.

— Бабушка?

— Да. Это улучшало её эмоциональное состояние, придавало уверенности, успокаивало.

— Это что-то новое. Ну, хорошо, а почему ты — пацан? Изобразил бы мне деда, например, всё проще было бы, — Славик зябко пожал плечами. — Наверное.

— Но я ведь его и сымитировал. Просто не учёл, что ты его таким не помнишь.

— Да уж.

— А возраст. Мне кажется — он соответствует моему.

— Так ты дитё ещё, шпион-имитатор?

— Это относительно.

— Да понятно, мне-то что, — улыбнулся Славик. Мимо проскочил указатель с силуэтом заправочной колонки. — Мне нужно заправиться.

— Пополнить возимый запас топлива?

— Ага. Углеводородного. Слушай, ты или одежду изобрази какую-нибудь приличную или, ну не знаю, сделай что-нибудь, чтобы не привлекать внимания. Мало ли.

— А можно так?

На этот раз Славик не позволил машине выехать за пределы полосы, но заставить не шевелиться волосы на затылке не смог: в кресле сидела бабушка.

— Ты, давай предупреждать меня будешь, ладно? Ну, хоть за десять секунд? А то я загнусь раньше, чем мы до места доедем.

— Загнусь?

— Уйду в лучший мир, прекращу физическое существование. Сердце у меня остановится!

— При таком уровне адреналина - маловероятно, но я постараюсь не причинять неудобств.

— Спасибо.

Славик свернул под высокий навес заправочной станции и остановился у одной из колонок.

- Зайду ещё водички куплю, что-то сушит меня.
— Я с тобой.
— Лучше не надо.
— Я не буду привлекать внимание, – настойчиво проговорил Разум бабушкиным голосом
— Ну, пойдём, бабушка.

Пока Славик отпирал крышку топливного бака, Разум, точно копируя неторопливые бабушкины движения, осмотрелся вокруг и направился к магазину, посмотрел сквозь витрину внутрь и, помахав Славику рукой, подался к дверям с надписью «WC». Славик пожал плечами, вставил пистолет в горловину и пошёл расплачиваться. В магазинчике было пусто, он достал из холодильника бутылку минеральной воды, подошёл к кассе и, пока девушка-оператор отсчитывала сдачу, смотрел поверх её головы на улицу. На заправке происходило что-то необычное: двое плотных мужиков с вытянувшимися лицами, очень быстро, не оборачиваясь, подошли к своей машине и, торопливо хлопнув дверцами, сорвались с места, через секунду, на ходу заталкивая в джинсы рубашку, за окном прошёл молодой парень и, так же, торопясь уехал. Ещё через некоторое время в поле зрения Славика появилась «бабушка», она степенно подошла к колонке и стала внимательно наблюдать за сменяющимися на табло цифрами. Девушка, наконец, отсчитала сдачу и Славик, поблагодарив, выскочил на улицу.

- Что это было?
— Где?
— В туалете, я так понимаю. В мужском. — Славик повесил заправочный пистолет на колонку и захлопнул лючок бензобака. — Садись, «бабушка». Машина выкатилась с заправки и снова повернула на шоссе.

- Так что там было?
— Я определил, что все посетители заправочной станции, в данный момент времени находятся там.
— В туалете?
— Да.
— А тебе обязательно нужно быть рядом с людьми, да?
— Да. Мне интересно.
— И ты попёрся в мужской туалет? Ты же — бабушка. — Славик искоса глянул на Разума. — И хватит уже, давай снова дедушкой... Я как-то привык, что ли.

— Хорошо. — В кресле снова появился привычный, босой Разум. — Всё нормально. Я понял свою ошибку и скорректировал параметры носимого тела в соответствии с физиологическими особенностями, обусловленными половыми различиями.

- Что-что?
— Ну, привёл в соответствие...
— Короче, слоника ты сегодня всё же изобразил.
— Как это?
— Не обращай внимания, — Славик давился приступом идиотского смеха. — И остался при этом во всех этих юбках и платочке.

— Да, — Разум посмотрел на Славика непонимающе. — Ой. Я не всё откорректировал.

— Ну, ты силён, имитатор!

Разум, насупившись смотрел в окно.

— Короче, больше нигде не останавливаемся и никуда не исчезай, без моего ведома, а то мы рискуем поймать приключения на свою голову. Тебе-то всё равно, а у меня проблемы могут появиться.

— Хорошо, я понял.

Дорога бежала по поросшим лесом холмам. За окнами мелькали облетающие осенние деревья, короткие мостки, переброшенные через узкие речушки и каналы, редкие автобусные остановки и площадки для отдыха с яркими беседками и контейнерами для мусора.

— Слушай, Разум, а ты будущее предсказывать умеешь?

— Будущее нельзя предсказать.
— Что, совсем?
— Будущее многовариантно. Можно составить приблизительный прогноз, учитывающий наиболее вероятные из вариантов, но точность его не высока.
— А на короткий отрезок времени?
— Смотря насколько короткий.
— Ну, например. — Славик задумался. — Например: вот мы едем, а где-то впереди у нас стоит патруль с радаром...
— А. Это не сложно. Это не будущее, это — настоящее. Нельзя сказать остановит он нас или нет, но то, что он стоит — это свершившийся факт.
— Что, серьёзно?
— Ты же сам сказал.
— А на самом деле?
— На самом деле стоит.
— Ого! Далеко? Километров пятнадцать?
— Километров пятнадцать.
— Ты чего меня дуришь?
— Всё так, как ты сказал. — Разум удивлённо посмотрел на Славика и снова уставился в окно. — Ты сам всё прекрасно видишь, просто считаешь это невозможным. Не доверяешь.
— А это возможно?
— Я же говорю: это так и есть. По какой-то причине эти способности у вас не развиваются, а те люди, которые видят чуть дальше, чем это возможно с помощью зрения считаются униками, хотя ничего сверхъестественного в этом нет.
— Ага. В тебе тоже нет ничего сверхъестественного?
— Конечно.
— Ну да, само собой. Я таких, как ты по десять штук в день подвожу.
Разум пожал плечами.
— А почему одни видят, а другие — нет?
— Это как... — Разум помолчал. — Вот в твоём автомобиле, в системе питания стоит маленькое устройство, выполненное на основе неодима — элемента с порядковым номером шестьдесят. На самом деле, он не шестидесятый, но это не важно...
— Откуда знаешь? А, извини, не подумал. Продолжай.
— Когда через устройство протекает топливо, магнитно-частотный резонанс выравнивает его гидрокарбонатные цепочки. Другими словами: спин-состояние молекул изменяется с пара-, на орто-, что значительно увеличивает их реактивность. Это, в свою очередь приводит к более полному сгоранию топлива и, как результат — меньший его расход, сокращение вредных выбросов... Ну, это ты сам знаешь.
— Ты это всё кому сейчас говорил?
— Тебе. Извини. Я о резонансе... У вас есть такое понятие: «душа».
— Понятие есть, а души — ни разу. Метафизика.
— Неважно. Оно достаточно точно многие вещи объясняет. А ещё есть забавная наука — астрология. Но тоже с «зерном истины» как вы говорите. Дело не в небесных телах, конечно, а в резонансе. Понимаешь, кто-то попадает, кто-то — нет, кроме того, каждый в состоянии этот резонанс настроить, но почему-то вы не считаете это нужным. Ваша эволюция не считает... А чудес никаких нет. Бывают у тебя спонтанные желания?
— Бывают, само собой.
— Вот это и есть предвидение. Или ментальный контакт... Но чаще — предвидение.
— Интересно. И даже понятно. — Славик ухмыльнулся, — а как его настроить, резонанс?
— Так хочется видеть?
— Интересно просто.

— Хочется. А зачем? Это серьёзное отличие от большинства особей вашего вида. Велика вероятность утратить лояльность окружающих, а вам трудно существовать поодиночке. И бессмысленно. Слишком большая... Цена, да?

— Ты чего? Я же спросил просто. Нельзя, так нельзя, подумаешь.

— Нельзя, да. Просто я для тебя тоже, как тот магнит для твоего автомобиля...

— Ну и всё, чего там. Как это: «как магнит»?

— Да неважно, — Разум задумчиво посмотрел, вперёд, на дорогу. — Возможно, что раньше таких людей было значительно больше.

— Вырождаемся, да?

— Ретроспективное сравнение не релевантно в данном случае. Одни качества исчезли, другие, не менее важные, появились — таков путь любой эволюции... Это тот самый «пост»? — впереди показался бело-синий автомобиль с мигалками и несколько прижавшихся к обочине легковушек.

— Он самый. Похоже, всех тормозят — ловят кого-то. Не тебя?

— Я же ничего плохого не сделал.

— Подумаешь, пару мужиков перепугал. — Славик рассмеялся. — Да не бойся ты, спрячься только как-нибудь. Тебе же не трудно.

— Да, конечно, — Разум с сожалением вздохнул. — Спрячусь.

— Оп!

По закону жанра, нас просто обязаны были остановить! Инспектор виртуозно взмахнул жезлом, указав на обочину. Славик остановил машину и вышел, нашаривая во внутреннем кармане бумажник. Невнятно представившийся старший лейтенант без интереса полистал книжечку с документами, посмотрел на номер автомобиля и, возвращая документы, спросил:

— Ребёнку двенадцать есть?

— Есть, — машинально ответил Славик. — А... Я ведь один, — на всякий случай, он заглянул в салон. Разума не было.

— Разве? — с сомнением произнёс старлей, так же заглядывая в машину. — Багажник откройте, пожалуйста.

Славик поднял заднюю дверь. Милиционер рассеянно посмотрел на содержимое багажника и махнул рукой.

— Закрывайте. Счастливого пути.

— Всего хорошего!

Славик сел за руль, тщательно пристегнулся, включил указатель поворота и аккуратно выехал на дорожное полотно.

— Ты где, Разум? Только не появляйся, пока не отъедем.

— Я здесь, — голос раздался со стороны пассажирского кресла. Славик повернулся на голос — на подушке кресла лежали две одинаковые дорожные карты. — Ты — карта что ли?

— Да.

— Могёшь! Чуть не спалились.

— Как это?

— Долго объяснять, появляйся уже. Можно.

Тельняшка и помочи снова появились справа от Славика.

— Слушай, ты же можешь стать чем угодно! Зачем же ты человека изображаешь?

— Как, зачем?

— Ну, ты мог стать мухой, например. Влетел бы ко мне в машину и ехал бы себе спокойно. А чтобы выйти начал бы ко мне приставать, я бы открыл форточку и выгнал тебя! А мог бы вообще птицей. Своим ходом добрался бы без шума и пыли.

Разум молча смотрел на Славика.

— Или нельзя было так? Какие-то сложности?

— Нет никаких. Я не подумал.

— Что серьезно?
— Да.
— Чудак ты, Разум.
— Я не подумал... Не подумал, — Разум забрался в кресло, обхватив колени руками. — Здесь всё очень сложно, мне поэтому сюда и нельзя.
— Плохо, что наследил?
— Да, плохо.
— Влетит тебе?
— Как это? А. Да... влетит.
— Я никому не скажу. Всё равно ведь, не поверят. — Славик усмехнулся. — Так что я — могила, не сомневайся.
— Это уже не важно.
— Да не кисни ты! Всё хорошо будет. Никто кроме меня с тобой не разговаривал и, считай, не видел. Да ты мне и не рассказал ведь ничего. Не горюй.
— Я не рассказал. Я — хуже...
— Брось, жив я буду. Подумаешь, прищельца встретил! У нас таких знаешь сколько? — уже и в психушки не закрывают.
— Да, конечно, — растерянно проговорил Разум. — Мы приехали, да? Искомая точка в нескольких минутах к северу.
— Да. Тут парковочка как раз. Я ближе не буду подъезжать, чтобы нам ещё на каких-нибудь полицейских не наскочить.
— Да, хорошо.
Славик, притормозив, съехал на усыпанную щебнем площадку для отдыха и остановился. Разум исчез с сиденья и снова появился в нескольких метрах от машины, под кривыми соснами на краю леса.
— Подожди, — Славик вышел из машины. — Давай попрощаемся что ли.
Он подошёл к Разуму.
— Давай, но дальше я сам.
— Ладно. Удачи тебе, имитатор. Давай пять.
Разум подал Славику ладошку и неловко улыбнулся.
— Спасибо.
— Да ладно, чего там. Счастливо тебе добраться! — Славик посмотрел на верхушки сосен. — Я пойму как-нибудь, что ты... уехал? А то, может снова выручать нужно будет.
— Ты поймёшь.
— Ну, давай тогда. Будь здоров.
— Прощай.
— Прощай, да. Может ещё заглянешь
Разум пожал плечами.
— Ну, иди, иди. Счастливо!
Разум развернулся и зашагал вглубь леса, сверкая белыми пятками. Славик старался не отводить от него взгляд, но так и не смог заметить, как тот исчез.
Славик вернулся к машине, вытряхнул из мятой пачки последнюю сигарету, присел на пыльный капот «Гольфа», закурил и стал ждать. Появившееся, было, неяркое солнце снова затянуло серой рванью, по пустой дороге прошелестело несколько машин, в верхушках сосен чуть слышно шелестел ветер. Славик почти докурил, когда над лесом беззвучно полыхнула зарница. Он потушил сигарету о подошву, потянулся и сел за руль. Неисправная свеча в третьем цилиндре время от времени давала пропуски зажигания, впереди, в пяти километрах по трассе, за плоским, нарисованным на листе жести гаишником, прятался настоящий, с радаром; в двух километрах позади, двигалась его потенциальная жертва, а в городе, растрепанная Светка оторвала взгляд от монитора с неизменными «Одноклассниками», не в силах справиться со спонтанным желанием немного прибраться в квартире, привести в порядок себя и

Автор Рисунков: Ирина Жорюшкина

Видишь мышку?
и я нет...

А она есть!

Светлана Стихар

Улитка

Пока я глотаю утро
чужое кофейное хлипкое
ты ждешь меня и минуты
закручиваешь в улитки
немыслимых подозрений
невынесенных приговоров
пока я листаю время
написанное на заборах
безвестных скупых селений
сбежавших с подробной карты
твоей и моей вселенной
покинувшей нас пока ты
неистово бьёшь стаканы
а после скулишь от боли
но ждать меня не устанешь
забыть меня не изволишь

не долог июль однажды
проснусь у тебя под мышкой
«привет», — ты тихонько ска-
жешь

и вечность в ответ услышишь...

Народные Премудрости

[как положено: с миру - по нитке, с войны - по две].
«Морской бой с осенью» (Sterva)

Увы, сказка — ложь, да и правда не быть... Не ври,
из грязи, чтоб выйти в князи, из бань — в народ...
Покуда не клюнет в темя горелый цыплёнок-гриль,
держи нос по ветру, так, чтоб глаза — на лоб!

Заставь дурака молиться, жену — пилить...
И, если уж жизнь — театр, смерть, пожалуй, - цирк...
Мы вылезем вон из кожи, кто подороже — из-под полы,
Пока не загнали в стойло, да под уздцы...

Хитра голь на выдумь, на совесть ленива знать.
Голодному сытый — как красный платок быку!
Из пальца б сосать успех, дуть из мух слона,
и верить в себя — ни буквой опять не лгу!

Где вольному воля — там зэку простой закон,
который — что дышло... Анархия — чья-то мать —
до звёзд путь тернистый, как в Киев, мела языком,
как ноги кормила волков, умолчав ягнят...

Откладывать в долгий ящик свой краткий век -
сироп на гордыню, чтоб после — на рану соль...
Держи сам себя в руках, остальных — к ноге!
Встав песне на горло, начальству глаз не мозоль...

Ну да, мост сожжён... но на свой хребёт наскребут...
Семь раз отмеряя чушь, на восьмой зашей!
Лапшу снимал с ушей — закатай губу...
Коль встретят опять по одежке — гони взащей!

Чужая душа — потёмки, своя — не видать ни зги...
Желая купить здоровье, поди-ка продай болезнь,
ведь секс для знакомства не повод, а гусь со свиньёй —
враги...

И если не вышел рылом, без мыла в петлю не лезь!

С лица не испить воды, с зада лучше не кушать
хлеб...

Боюсь, не в поэта стих, раз уж корм не в коняг...
Не бритвой по венам писано — вилами вдоль судеб:
Когда никотин убьёт лошадь, меня воскресит коньяк!

Андрей Евсеев Честная сделка

Тусклые огоньки дежурного освещения нехотя отражались в мраморных плитах коридора. Их отблески, казавшиеся янтарными дорожками, бежали навстречу друг другу, пересекались, сталкивались и теряли силу, так и не сумев разогнать окружающий сумрак. Массивные бронзовые люстры, заснувшие поздно ночью, пока берегли свой холодный, ртутный свет, чтобы через несколько часов утопить в нём гулкое эхо торопливых шагов. Вскоре людские волны ворвутся в узкий фарватер, заполнят собой всё пространство и, забурлив, разобьют о гранитные берега хрупкую тишину. Монотонный гул голосов сольётся с рекламной какофонией громкоговорителей, и Земля постареет ещё на один день.

Сергей подбросил монетку, поймал и, зажмурившись, загадал желание. Решка была внизу: сегодня обязательно повезёт. Уже смелее он вошёл в метро, миновал турникет со скачуще-бдительными контролёрами и растворился в суеде бегущих лестниц. Вот и переход. Монетка не обманула - его место свободно. Сергей расстелил на холодном полу картонку, осторожно положил футляр и достал из него закутанную, словно ребёнка, скрипку. Никто не обращал внимания на ещё одного жителя подземелья. У всех были свои дела и заботы: старушка продавала газеты, грязная женщина с маленьким ребёнком тихо и жалобно рассказывала о голоде и операциях, деловито суетились карманники. И только старенькая картонка с нетерпением ждала волшебного мига, когда она превратится в сцену.

Первые ноты, рождённые неумелой рукой, растворились в шуме толпы. Удивлённая новым звуком, она ответила звоном мелких монет. Моцарта сменила «Мурка», и футляр стал наполняться быстрее. Вскоре подошли крепкие парни, но, услышав «Владимирский централ», зашагали дальше, бросив в скрипача смятой сторублёвкой. Монетка была права. Сергея охватил азарт, смычок веселее забегал по струнам и, казалось, ноги прохожих вот-вот пустятся в пляс, увлекаемые весёлыми тактами еврейского танца. В суеде нот Сергей не слышал стука кованых набоек. Он продолжал играть и ещё улыбался, когда увидел глаза подошедшего человека. Ещё миг - и холод от их льда сковал все мышцы, куда-то пропал необходимый лёгкий воздух, и Сергей опустился на картонку, поджав под себя ватные ноги. Сквозь гулкий стук крови в ушах, он слышал тишину. Нереальную, невозможную в этом месте и от этого ещё более ужасную. Всё замерло, как на стоп кадре и даже время остановилось на половинке секунды. Откуда-то издалека, в этот миг, вдруг ставший вечностью, долетали хлопки ладоней. Набат аплодисментов, проникая в грудь, сжимал сердце и вливал в кровь липкие капельки страха:

— Ввввы кто???

— Прохожий. Вы же видите: серая шляпа, костюм и туфли такого же цвета... Я один из тех, кто всегда рядом с вами.

— Прохожий?

— Да. Я вижу, Вам нужна помощь.

— Помощь, мне?

— Конечно, Вам. Разве Вы не замечали, как стонет скрипка в Ваших руках? Готовая подарить чудо, она плачет от боли.

Незнакомец забрал инструмент из непослушных рук скрипача. Тонкие пальцы нежно пробежали по грифу, и он закрыл глаза.

— Германия, 18-й век, - металл в голосе куда-то исчез, - я помню этого мастера. В свои лучшие скрипки он без жалости вкладывал душу. Он не думал о деньгах, и его скрипки рождали такую музыку, перед которой меркли бриллианты королей.

Прохожий повернулся к Сергею:

— Да, Вам нужна помощь. Я предлагаю сделку. Вы убедитесь, она честная. Я дам Вам талант...

— Талант?

— Не перебивайте, — прохожий щёлкнул пальцами и следующий вопрос, превратившись в комочек, застрял в горле Сергея, — взамен я не требую ничего. Мы вскоре встретимся. Может через месяц, а может через десятилетия. Вы сами почувствуете, когда настанет момент выбора. Для таланта и вечности время не имеет значения. Тогда Вы решите, нужен ли Вам этот дар. И тогда Вы сами назовёте цену.

Скрипач сидел на полу, а мимо спешили люди. В тесный мир перехода опять вернулись гул голосов, скрип эскалатора и надоедливая реклама. Пытаясь успокоиться, Сергей убеждал себя, что духота и усталость могли вызвать странную галлюцинацию. Через несколько минут ему почти удалось поверить в это, но к лежащей рядом скрипке он всё ещё боялся прикоснуться. В голове родилась спасительная мысль: «Руки трясутся, сегодня играть уже не буду!» Накрыв инструмент тряпочкой, он уже хотел положить его в футляр, но вдруг увидел незамеченную им раньше подпись мастера. Латинские буквы сплетались замысловатой вязью. Скрипач зачем-то погладил её и, не успев удивиться, почувствовал, как тепло, возникшее где-то на кончиках пальцев, проникает в него всё глубже и глубже, заполняя неведомым ранее чувством свободы и власти. Скрипка сама легла на плечо, смычок коснулся струн, и на шумный хаос перехода обрушилась лавина гармонии. Раздавленные совершенством люди испуганно жались к стенам туннеля, но музыка и там настигала их. Послушные воле струн, они страдали и плакали. Слёзы были горькими, но их горечь смывала копоть с души. А скрипач всё играл и играл. Его руки, не зная усталости, вспоминали сотни никому прежде не известных мелодий, написанных уже забытыми или ещё не рождёнными гениями.

Когда Сергей выходил из закрывающегося на ночь подземелья, все его мышцы ныли от изнеможения. Талант, пока ещё не обузданный, не хотел считаться со скромными возможностями человеческого тела.

Маэстро не ездил на метро уже много лет. Бесконечные гастроли диктовали свой ритм жизни, заставляя спешить даже его самолёт. Да и статус мега-звезды не позволял и думать о таких чудачествах. Время и имидж - это деньги. Конечно, гению не интересен бранный металл, но его очень любят продюсеры. И всё-таки однажды ступени перехода услышали лёгкий шелест дорогих туфель. Не слушая возражений, он оставил охрану у входа. Сегодня скрипач должен быть один.

То же место, та же толпа и та же скрипка. Он играл Рахманинова, когда услышал знакомые аплодисменты:

— Bravo, маэстро! Я восхищён, а это, поверьте, бывает очень редко. Ваш дар прекрасен. Да-да, не спорьте, он Ваш. Стал Вашим. А я только проходил в нужное время в нужном месте.

— Я решил...

— Я знаю. Но впрочем, продолжайте, скажите сами.

— Я отдам Вам, вернее, я хочу...

— Да не стесняйтесь, говорите. Я слышал и не такое.

— Хорошо...Я ушёл из семьи...К другой. С женой мы давно были чужими, но дочь... Я не смог забрать её к себе, а теперь и видеть её у меня нет возможности: жена не позволяет.

— Но чего же Вы хотели, ведь при разводе Ваши адвокаты не оставили ей ничего?

— Я боялся, что она заберёт скрипку, и подписал все бумаги.

— Конечно, и теперь...

— Дочь часто снится мне. Это печалит меня, мешает искусству.

— Понятно. Совесть и любовь. Это легко исправить. Что-нибудь ещё?

— У меня умерла мать.

— Соболезную, но что я могу?..

— Спасибо, боль уже утихла, но когда я прихожу на могилу, возвращается и терзает. Терзает — нет мочи...

— Это скорбь. Заберём и её. Позвольте ещё добавить в список грусть, тоску, необузданную радость и трепет нежности. Ещё немного слёз и смеха. Поверьте, все это не нужно Вам, маэстро. Всё это мешает Вам достичь совершенства.

— Берите скорее. Я устал жить с этим грузом на душе.

— Конечно, талант обостряет все чувства. Но будьте спокойны, я помогу. Теперь будьте спокойны.

Автор рисунка: Ирина Жарушкина

Евгений Лесик

Мы с вами встретимся

Мы с Вами встретимся, мы снова встретимся
Под стук и шум колес вагонных, под метель,
Что воеет за окошком неприветливо,
Как всеми брошенный и одинокий зверь.

Увидимся, когда-нибудь увидимся —
Недаром просто познакомились в пути.
Судьба на нас, надеюсь, не обидится
И радость встречи вдруг поможет обрести.

Вы помните, я думаю, что помните,
Тот день и час, когда вошли в моё купе...
В большом приморском незнакомом городе,
Что незаметно растворился вдалеке.

И знаете, конечно, Вы всё знаете,
Что сердце вздрогнуло и счастьем расцвело...
Признайтесь, этот миг Вы вспоминаете —
Тот самый первый миг чудесный. И тепло

Что душу охватило вдруг истомою,
Слова приветствия и долгий разговор,
Который, словно старые знакомые,
Вели весь день, а в наших мыслях — до сих пор.

Как жаль, что кончился, мой путь окончился...
Растаял поезд нереальным сном вдали.
Печалью на перроне мир наполнился
И почему-то затуманились огни...

Мы с Вами встретимся, мы снова встретимся
Под стук и шум колес вагонных, под метель...
Земля ведь круглая. И так же вертится!
И случай снова нам откроет счастья дверь!

Там, далеко, за пределами вьюги

Там, далеко, за пределами вьюги,
Мягко с небес опускается снег.
В белой завесе теряются звуки.
В свете фонарном бредет человек.

В теплой гостиной, под люстрой хрустальной,
Вечер опять коротает семья.
Только собака застыла печально,
Смотрит на дверь — может, помнит меня?

Помнит и ждет, что закончится холод,
Вьюга иссякнет, уйдет снегопад...
В дом возвратится хозяин и холить
Станет любимицу вновь. Невпопад

Все повторяя слова обещаний,
Будет ласкать черный плюшевый бок:
"Радость моя! В годы долгих скитаний
Я без тебя и родных одинок!

Если бы знали, мои дорогие,
Как на чужбине печальны сердца!
И как нелепы мечты золотые,
Что заставляют идти до конца..."

Там, далеко, за пределами вьюги,
Мягко с небес опускается снег.
И, словно символ холодной разлуки,
В даль, по дороге, бредет человек...

Ливень землю хлестал

Ливень землю хлестал, словно сильно она провинилась.
Крылья гнева небес развернулись, задев горизонт.
Это все потому, что Земля как-то в Лето влюбилась,
Дружбу Неба отвергнув, презрев эксклюзивный восход.

Только Лето ушло, улетело на южную вахту -
Может, в Чили опять, в австралийский далекий Сидней...
Развлекается там с островами на море, на яхте...
А Земля исстрадалась одна (грусть объяла друзей).

Небо с ревностью дни наполняет то ливнем, то хладом,
Осень хмуро воротит Судьбой опечаленный лик...
Все несчастья пройдут. И вернется любимый когда-то!
Солнце летнее выйдет и бросит приветливый блик!..

Вот и ливень притих — отшумели упругие струи.
В мутных абрисах луж для капли — последний приют...
Все печали уснут. И однажды закончатся бури!
И любовь победит, если нежно ее сберегут!

Закат на море

Там, где небо спускается лестницей в море,
На покрытых пурпурной дорожкой ступенях,
Загорелое Солнце с печалью во взоре
Опускается к зыбкой воде постепенно.

Холодна, освежающа в мае водица!
Солнце пробует волны морские ногою,
А потом понемногу заходит, садится
И скрывается быстро, нырнув с головою.

Где-то выплывет дальше, за гранью небесной,
Батерфляем широким отмерит просторы.
И себе вдруг признается — прямо и честно,
Что любило закатом садиться за горы.

Искупавшись в бассейне с морской водой,
Выйдет утром, сияя очищенным ликом,
И по склону небес забираясь тропею,
Будет морю дарить, словно звездочки, блики.

Море радостно вновь улыбнется светилу.
Побегут, усмехнувшись, спокойные волны.
И пронзят тишину, завершая картину,
Крики чаек скользящих, рассветом доволь-

Автор рисунка: Ainippa Malakian

Первый класс для писателей

На этот раз вашему вниманию будут представлены 2 работы, вышедшие в финал конкурса по теме «Портрет». Проходил конкурс в два этапа. На первом этапе нужно было просто составить словестный портрет, предложенной картинке. Задание второго этапа было несколько сложнее. Авторам также предлагались изображения, по которым а этот раз необходимо было написать миниатюру, в которую органично вписан портрет.

Во второй этап вышло 3 автора. Произведения двух из них вы увидите на страницах нашей газеты.

Екатерина Гайдай

Дуэт

Это утро ничем не отличалось от других — солнце светило ярко, дул прохладный ветерок, подгоняя маленькие пушистые облачка на небе. Я, как обычно, катила свой велик по привычной дорожке, усыпанной гравием. На часах девять утра. Я опаздывала. Вот наконец показался впереди маленький домик утопающий в зелени дикого винограда. На лужайке свернувшись калачиком сладко спал маленький дракончик. Его зеленый окрас был немного светлее травы, отчего казалось, будто перед домиком лежит небольшая горка молоденькой травки. Мимо, со звонким смехом пролетели несколько феечек и затерялись где-то в кроне растущего позади домика клена.

Вот я иду вдоль невысокого деревянного заборчика, и ввожу велик в маленькую аккуратную калиточку, тихонько скрипнувшую на мое приветствие. Эта кухня, такая теплая, вся сделанная из сосны, уже приветствует меня целым созвучием шорохов. На плите закипает мой любимый кофе в турке, и ведь сколько бы я не опаздывала с приходом — он всегда такой, как надо. Массивный стол накрыт белой скатертью, сейчас там красиво разложены на тарелочке вкусно пахнущие только что испеченные булочки с корицей. Через витражное окошко заглядывают в небольшую кухоньку ласковые лучики света.

— Ты опоздала. — Эти слова отвлекли меня от приятных мыслей, заставив вспомнить зачем я приехала.

— Ты сегодня рано проснулась. — Налив кофе в чашку я села за стол и начала завтракать.

— Что за убогая тряпка на тебе? — Из зеркала напротив за моим завтраком наблюдала молодая женщина с явными признаками усталости на лице — синяки под глазами, бледная кожа, потухший взгляд. Если бы на кухне был кто-то третий, он бы очень удивился: мы с ней походили друг на друга как две капли воды, только вот одеты были по-разному и кухни были совершенно непохожими.

— Ты сегодня в плохом настроении. — Девушка с той стороны зеркала тоже сидела за столом, только в ее кухне окна были зашторены, ни одного лучика света не могло пробиться в это царство тьмы. На той кухне правили бал стекло и металл. Холодные и равнодушные. Не понимаю, как люди в их окружении могут становиться счастливыми? — А я вот тебе говорила, не сидеть до последнего! Нельзя столько работать! Издатели что, не люди? Не понимают?!

— Зато ты много понимаешь в работе... А тряпка отвратительна. Тебе не идут короткие сарафаны, да ещё такие пестрые. Столько цветов — да это же просто неприлично! — Девушка с пренебрежением фыркнула и стряхнула пепел с сигареты.

— Понимаю... Ну, что поделать, работа у меня такая.

— Работа... — ещё раз фыркнув она начала завязывать свои длинные волосы неопределенного цвета в узел. Сегодня она одела старую футболку и потертые джинсы, такой я уже давно не видела свою вторую половину.

— Мне кажется, ты все равно ничего не успела. — Поставив пустую чашку в раковину, я вплотную подошла к зеркалу.

— Хватит! Все! Закрой рот! — Она так резко вскочила, что я едва успела отшатнуться. — Ты мне надоела! Только и нудишь — отдохни, у тебя ничего не получается, посмотри на мир другими глазами, улыбнись... И так до бесконечности! Я устала! Ай! — Мое отражение схватилось за голову. Я тоже. Ну вот, сама не заметила, как обиделась.

— Ну вот, обидела меня — стало больно тебе. Успокойся. — Ее надо было срочно успокаивать, ибо дело заходило слишком далеко. Она не могла выносить столько боли. А я не могла с этим ничего поделать. Так продолжалось уже десять лет. Двойник обижала меня, мне становилось больно, ей тоже. Только с той стороны боль отражалась в сто раз сильнее.

Я постепенно приходила в себя. Смотрела в окно и улыбалась чудесному солнечному дню. Даже помахала ручкой прыгающему возле велика Белому Кролику, как всегда прискакавшего на наше условное место. Я всегда подвозила его к Стране Чудес. Переведя взгляд обратно, я увидела, что девушка сидит за столом и пытается остановить идущую из носа кровь.

— Эй! Все в порядке! Я уже ухожу!

Такой уговор был у нас много лет назад — я могу находиться с ней только час. Она сама установила это правило, теперь это оказалось на руку. В первую очередь ей.

— Знаешь, я много думала этой ночью. — Девушка из темной кухни подошла к зеркалу вплотную. — Я, наверное, отпущу тебя.

Сказать, что я удивилась значит, ничего не сказать. Да, мы ссорились, ругались, скандалили, но потом мирились обязательно. Я чувствовала как нужна ей. И она чувствовала. Без меня она не выживет... Утонет в безразличном жестоком мире, и все же...

— Да, отпущу, хочу научиться жить без тебя. Хорошо? Без обид.

— Ну... А ты уверена? — Я внимательно посмотрела ей в глаза не в силах перечить. Мы существа подневольные, что нам говорят — то мы и делаем... Она знала что погибнет, и больше не хотела меня мучать, а я... ничего не могла с этим поделать. Только почему-то было чудовищно жаль...

— Абсолютно. Иди.

— Ну... как скажешь.

Она положила руку на зеркало, и я сделала тоже самое. Она улыбнулась — я улыбнулась в ответ. Она умирала — я уходила из этой кухни навсегда. Столько лет мы были вместе и вот... Я вышла через дверь, ведущую в сад, и, помахав рукой дракончику, села на велик. Там, в сосновой кухоньке осталась часть меня, осталось и счастье моей подопечной и ее горе. Она больше не имела надо мной власти... Кролик уже успел уместиться в приделанной к велику корзинке, и все время поглядывал на свои часики. Я не видела, как совершенно беззвучно рыдает моя вторая половинка, как хочет остановить меня, как кричит мне что-то вслед. Я чувствовала, как счастье переполняет меня. Ощущение новых сил. Впереди меня ждали новые миры. Много новых миров. Я возвращалась домой...

Вагим Рейсер

Охотник

Вы когда-нибудь ощущали себя одинокими? Я — да. И поверьте, это не самое лучшее чувство.

Я — охотник, лес для меня, как открытая книга, только вместо слов в ней — образы. Легкий шелест травы, заливи́стая трель жаворонка, почти неслы́шный перестук беличьих коготков по кедровой коре могут сказать знающему человеку многое. Например, о том, что неподалеку ползет змея, которую сразу заметил зоркий глаз собирательницы орешков, а вот певец на залитой солнцем прогалине опасность проглядел. Ничего, приятель, ведь я рядом! Пара лишних движений палкой ничуть меня не обременит, ведь здесь нет этих липких пут, именуемых законами.

Там, где со всех сторон давят стекло и бетон, есть свои жаворонки и змеи. Одни из всех сил машут крыльями и надрывают голос, чтобы взлететь и спеть на весь мир, ради тех, кто готов услышать. Но лишь пока не приходят другие, жалящие подло и исподтишка. Корысть, зависть, развлечение — мотивы могут различаться, но результат всегда один — падение. И нередко — сломанная жизнь. А когда пытаешься схватить такую змею за хвост, чтобы предотвратить смертоносный бросок, она сбрасывает старую кожу с боевой раскраской и ускользает промеж пальцев, возвращаясь в новой, ярко-зеленой, как стодолларовая бумажка. И равный для всех закон, очарованный этим блеском, бездействует. В такие минуты чувствуешь себя песчинкой в океане пустоты, на которую смотрят тысячи глаз, чей взгляд бездушен и холоден, как камень.

Сейчас, обернувшись назад, я вдыхаю полной грудью запах папоротников и понимаю, что наконец вернулся домой. И не ощущаю одиночества, ведь вокруг ключом бьет жизнь.

Алмач тусуна: Аиниппа Малакцион

Римская

Журавлик оригами

Лето распрощается с тобою
И махнёт платком немного грустно.
В раме — маслом небо голубое
И пятном — рябиновые бусы.

Солнечную нитью неумело
Вышит день последними стежками.
Из бумаги невозможно-белой
Сложенный журавлик оригами

Оживёт и улетит вдогонку
Шумно гомонящей птичьей стае.
Дым костров осенних вьётся тонко,
Жизнь начать бы с чистого листа, и...

Рисовать лишь небо в светлой раме,
Не узнать, как метко ранят словом.
Не увидеть, как смешной журавлик,
Вздвогнув, стал из белого багровым.

Aut nihil

Когда ты научишься не дышать,
слова будут плыть, как немые рыбы,
а те, кто понять их ещё могли бы,
под солнцем расплавились на Карибах.
Aut nihil. Всех блох подковал Левша.

Когда ты научишься уходить,
нутро чернозёма взорвут левкой,
а небо - холодное и сырое,
крылатый конвой за твоей спиной,
а боги смеются — и нечем крыть.

Aut Caesar, aut nihil — латинское
крылатое выражение. Дословно
переводится, как «Или Цезарь, или
ничто». Русские аналоги — «Иль
грудь в крестах, иль голова в кустах»,
«Или всё, или ничего», «Или пан, или
пропал».

А на щеке твоей шрам

А на щеке твоей — шрам,
И ты не веришь словам,
И пляшет отблеск костра
На коже.

И ты сражаться привык,
И на шнурке волчий клык.
И я делю с тобой стол
И ложе.

Взошла над миром луна,
Облив сиянием нас,
Как молоком кобылиц,
И духи

Шептались ветром в траве,
И головой к голове
Мы спим с тобой у костра.
Все глухо.

А на щеке твоей — шрам...

Гемоглобиновое

Живая влага горит рубином,
Стихи свободны от всех условий,
Они дразнящим гемоглобином
Прельстят любителей свежей крови.

Смолчат иль скажут обиняками —
Всего весомей один критерий —
Насколько жадными пьют глотками
Фонтан из вскрытых моих артерий.

Анна Сербур

Во сне и наяву

-1-

Она сидела у открытого окна, мысли блуждали в голове под шелест дождя – она любила дождь, широкие подоконники, высокие этажи. Она уходила в другой мир, смотря на покачивающиеся верхушки деревьев, небо, затянутое серой дымкой. Чашка кофе, запах озона и небольшой блокнот, который хранил в себе сокровенные мысли и чувства. Она привыкла доверять их только белому листу – шарик ручки двигался, оставляя за собой знаки, и голова освобождалась от терзающих сознание мыслей. Она вывела последнюю строку, закрыла блокнот, посмотрела в окно и улыбнулась... Через несколько минут она быстро спускалась по лестнице на улицу. Капли дождя ласкали лицо, грусть и проблемы покидали голову – все смывал дождь, она чувствовала свободу. Люди, идущие ей навстречу, смотрели искоса, подозрительно.

«Я не сумасшедшая! Я просто люблю дождь!», — хотела крикнуть она им вслед, но не стала.

Она не понимала этих людей, так же как и они ее. Почему люди не умеют радоваться дождю, солнцу, траве, прорастающей весной? Они погрязли в заботах, работе, быте, у них нет времени на такие мелочи. Не понимают, что эти мелочи так прекрасны. Ее не все понимали. Некоторые думали, что ей просто нечем заняться. Хотя она была довольно успешным молодым писателем, свободно владела пятью языками и изучала шестой – японский. Другие думали, что она просто странная — многим писателям свойственно уходить от реальности, фантазировать. И все же, кто был более реальным: немного странная девушка, которая радовалась восходу солнца, отдавалась любви без остатка, живущая по максимуму здесь и сейчас, а не на перспективу; или же окружающие, которые откладывали на черный день, улыбались все реже, перестали делать то, что им хотелось, занимались нелюбимым делом? Кто из них? Она делала всегда то, что нравилось ей, а не окружающим, это многим не нравилось. Она всегда говорила правду и ничего не таила за спиной человека, это многих раздражало. Она любила ощущение экстрима, он дарил ей чувство свободы, за это ее считали безрассудной. Она была успешной, потому что занималась любимым делом, это вызывало зависть у людей. Волосы прилипли к лицу, одежда промокла, туфли наполнились водой. Она разулась и пошла босиком.

Дождь закончился, вышло солнце, радуга озарила небо. Прохожие не замечали босую мокрую девушку, ведь они были зациклены на себе и спешили домой после работы.

Он открыл дверь и зашел в квартиру абсолютно опустошенный. Каждый день он работал допоздна и возвращался домой без сил. Он любил свою работу, его устраивал образ жизни, который он вел. В общем-то, вся жизнь была заключена в ежедневнике – весь распорядок. Ему больше ничего не нужно было. У него был достаток, его уважали на работе, было отдельное дорогое жилье. Ну и что, что одинок – зато он мог посвящать время только себе и работе, выходные проводить с друзьями, играть в теннис. Жениться всегда можно успеть. Недостатка в женском внимании не было. Он знал себе цену, романы случались в его жизни часто, но никто не задерживался рядом надолго. Он любил все взвесить и продумать наперед, не расставался с записной книжкой — там всегда был прописан план на ближайшее будущее.

Зачем начинать что-то, что не будет иметь продолжение? Он даже собаку не мог завести, ведь некому будет с ней гулять, она будет одна с раннего утра до позднего вечера, иногда ночи. У него было много друзей, он всегда был рад им помочь, правда не знал, помогут ли они ему в трудную минуту, он в такие еще не попадал.

Теперь он был благодарен родителям, которые отговорили его поступать на архитектора и настояли на юридическом. Это было престижно, и отец хотел оставить ему по наследству свою практику. А что архитектура? Никакой гарантии в будущем.

Он промок за короткий отрезок пути от автомобиля до подъезда. Как же надоел этот дождь... Ванна, горячий чай, крепкий сон – все, чего он хотел сейчас. Он набрал воды в ванну, взял ежедневник, чтобы просмотреть распорядок на завтра. Когда теплая вода обняла тело, стон удовольствия вырвался из груди.

-2-

Быстро просмотрев список встреч и дел на следующий день, он убрал ежедневник и расслабил тело. Глаза закрывались, очень хотелось спать, и он не мог уже держаться. Чтобы утром не нашли утонувшее тело в ванной, он решил все же пойти спать. Запах чистого белья, мягкая подушка — как только голова коснулась ее, все мысли стали смешиваться в клубок, удаляться. Тело расслабилось и размякло... Он увидел девушку. Она сидела на подоконнике с чашкой горячего кофе. «Слезь, глупая, упадешь!..»

Девушка задумчиво смотрела на улицу, спокойно, расслабленно. В открытое окно ворвался ветер, и волосы ее легко, воздушно взлетели — он увидел лицо. Оно было открытым, добрым, веснушки весело разбежались по нему. Каштановые волосы рассыпались по плечам, они игриво завивались в крупные кудри. Время от времени девушка что-то записывала в блокнот — иногда ее лицо становилось серьезным, но ненадолго. Он попытался вытянуться и заглянуть в блокнот. Так тяжело это было сделать, как будто тело было парализовано. Он сделал еще усилие и на миг смог заглянуть в записи, но буквы расплывались. Одну лишь фразу усилием воли смог разглядеть: «Он был другим — последовательным, серьезным, предсказуемым, не любил дождь». Сердце забило в панике, он стал задыхаться, отдаляться от девушки. Он хотел прокричать: «Я могу быть другим!». Слова застряли в горле. Она посмотрела на него и улыбнулась, так беззаботно, любя...

«Глаза — цвета зрелой травы». Ему стало легко и весело на душе, сердце успокоилось, захотелось танцевать.

Она вернулась поздно вечером промокшая и довольная. Ее встретил друг - пес, любящий и преданный. Он не был благородных кровей, она спасла его от своры собак еще щенком. Она обняла друга и почесала за ухом, а пес в ответ лизнул в нос.

Она приняла душ, высушила волосы. Кудри каштанового цвета непослушно падали на лицо. Ужасно хотелось спать. Добравшись до кровати, она легла, не расстелив постель, укрылась пледом. Обычно она с трудом засыпала в такое время – оно было лучшим для работы, текст писался легко и быстро, идеи копошились в голове и выстраивались в очередь. Сегодня не хотелось писать – только спать. Она согрелась под пледом, четвероногий друг свернулся в клубок в ногах и сладко посапывал. Ни одной мысли, туман в голове. Спать, спать, спать... Крепкий сон забрал в свой плен.

Она увидела молодого и красивого мужчину с очень серьезным лицом. «Какой он грустный и одинокий...»

Он был одет в дорогой костюм оливкового цвета и быстро шел от машины к дому. Он ей показался родным и понятным, но другим — последовательным, серьезным, предсказуемым. Мужчина быстро поднялся по ступеням, открыл дверь и вошел в квартиру. Там было чисто, все на своем месте, продуманно, полезно, ничего лишнего, но там было пусто. Не было безделушек, сувениров, фотографий с изображением счастливых моментов жизни, не было всего, что придает уют жилищу. Она стала разглядывать мужчину: высокий, подтянутый, темные волосы, лицо обычное, простое, немного грубое, но взгляд глубокий, возможно, из-за цвета глаз — темно-карие, почти черные, как два уголька. Он ушел в другую комнату — послышался шум воды. В это время можно было осмотреть все вокруг получше. Комната была большой, мебели мало — диван, рабочий стол, книжный шкаф и пара кресел. Посреди комнаты лежала шкура какого-то зверя — по расцветке было похоже на зебру. Все черно-белое. На рабочем столе она увидела одну фотографию — много мужчин, среди них и герой ее сна. Они были на теннисном корте, в шортах, все загорелые.

«Наверное, у него много друзей»

Мужчина вернулся в комнату, выглядел он очень уставшим, в руках была книга.

«Ах нет, это ежедневник. Он ведет ежедневник».

Он расстелил постель и лег на диван, закрыл глаза. Ей захотелось погрузить пальцы в густые волосы мужчины. Она попыталась прикоснуться к ним, но не смогла.

«Это только фантазия, это сон, я не могу прикоснуться. Хотя это же мой сон — что хочу, то и делаю».

-3-

Она протянула руку, прикоснулась к волосам мужчины, нежно погрузилась глубже. Они были жесткие, густые. Мужчина открыл глаза и посмотрел на нее в упор. Она тонула во взгляде темных глаз, голова кружилась, стало не по себе. Тут он улыбнулся ей удивленно, взволнованно, любя...

Все стало таким простым и понятным. Стало спокойно, комфортно, она ничего не боялась. Она знала, что ее есть, кому защитить, она не была одинока, теперь не была.

Он проснулся взволнованным и удивленным. Такой странный сон... Так четко и реально все было. Неужели это только сон? И девушка... Совсем другая, не такая как он — она легкая, правдивая, смелая, любит дождь...

Возможно, он бы впустил ее в свою жизнь, у них бы была собака, они проводили бы вместе выходные, некоторые — вместе с друзьями. Он бы уменьшил объем своего ежедневника — хотя бы на несколько часов. Его жизнь стала бы более яркой, она бы изменилась. Во время отпуска они бы поехали дикарями путешествовать по живописным местам.

«Отпуск? Дикарями? О чем это я?.. Хотя, мог бы, наверное...»

Она открыла глаза и улыбнулась, любя... Она странно себя чувствовала, будто побывала в кинотеатре на фильме с собой в главной роли. Все было очень реально. Она уже жалела, что это был только сон. Хотелось снова заснуть. Тот мужчина был настоящим, близким, хотя и другим, почти противоположностью ей.

Возможно, она смогла бы его полюбить...

Возможно, она смогла бы не всегда быть такой прямолинейной, чтобы не причинять людям боль. Возможно, она научилась бы немного планировать свой день и быть более

собранной и ответственной. Возможно, она не была бы такой замкнутой одиночкой...

Она научила бы его любить дождь, сидеть на подоконниках, любить свободу. Они спорили бы о многом, но это делало бы их отношения интереснее, живее. Он бы чаще улыбался, ему идет улыбка. Она познакомилась бы с его друзьями и научилась играть в теннис. Она жила бы по-другому, многое изменилось бы. Это были бы хорошие перемены.

-4-

Он принял душ после ежедневной пробежки, оделся, быстро выпил чай с тостом. Перед выходом оглянулся в комнату — она показалась пустой. Ему всегда нравилась квартира, но сейчас она была чужой.

«Надо сделать ремонт, что-то изменить», — подумал он.

Он открыл дверь и вышел, спустился вниз на улицу, поспешил к машине. Пока он шел, возникло желание поехать на метро. Столько времени за рулем, практически сросся с ним, нужно разнообразие.

Она встала с постели, подошла к окну, солнце ей улыбнулось. Друг уже шекотал ноги хвостом, просил завтрак и прогулку. Она наспех оделась и вышла с ним в сквер у дома. Здесь было много собачников с питомцами. Смешная китайская хохлатая — лысенькая худышка с клепками шерсти на ногах, голове и хвосте. Она все время лаяла, прыгала, как заводная. Ее другу понравилась эта собачонка — ах, эти мужчины, им так часто нравятся взбалмошные дамочки-истерички. Хохлатая смотрела на друга свысока, но не упускала его из виду. А он так и вился перед ней — типичная история. Девушка не смогла долго выносить такого обращения с любимым псом, пришлось идти домой, хотя он так тоскливо смотрел на девушку и просил погулять еще.

Дома она покормила собаку, сварила кофе, сделала горячий бутерброд с сыром. Ей так нравился аромат кофе.

Позавтракав и приняв душ, она оделась. Нужно было сходить в издательство, встретится с заказчиком и отдать перевод, провести занятие на курсах немецкого, потом идти на занятие японского языка, не забыть позвонить родителям, и еще сегодня она обещала встретиться с давним другом. Она прокручивала все это в голове.

«Надо завести ежедневник...», — такая мысль посетила ее.

Она вышла из подъезда и пошла к метро. Ей вспомнился сон и мужчина. Стало немного грустно.

Он и она — они встретились взглядом на платформе в метро, сразу узнали друг друга и улыбнулись оба, любя...

— Мы такие разные, — сказала она.

— Но все-таки мы можем быть вместе, всегда, — сказал он.

— Ты подарить мне ежедневник? — спросила она.

— Ты научишь меня любить дождь? — спросил он.

Не так давно на просторах сайта Вконтакте прошел любопытнейший конкурс современной прозы: [«1000 символов»](#). В майском номере нашим читателям предлагается возможность познакомиться с отрывком из текста, оказавшегося в этом конкурсе лучшим. Приятного чтения.

Константин Чагов С пятницы на воскресенье

Начиналось все как обычно — я обедал в одном из небольших кафе неподалеку от своего дома. Тут было все, чего только может пожелать писатель: грязные столы, пепельницы, которые, похоже, не меняли с момента открытия, и музыкальный автомат с заедающими заезженными пластинками (альбом Monks крутили уже третий раз, в нескольких местах раздавались щелчки, каждый раз заставлявшие меня морщиться). Лучшее мне пока что было не по карману. Последние полтора года я только и делал, что бродил по ночным улицам с пустым кошельком наперевес и желудком, в котором я пытался удержать вчерашний ужин — мою последнюю трапезу — и то и дело заглядывал в окна дорогих ресторанов. У меня текли слюнки от вида прожаренных отбивных и куриных крылышек. А когда чьи-то зубы начинали жевать хрустящий шницель, мне хотелось их выбить. Я отлипал от окна (хотя чаще всего меня прогонял привратник, который выбегал со шваброй на улицу, словно храбрый рыцарь, защищающий свои владенья) и вновь отправлялся скитаться по городу. В голове крутилась одна и та же мысль: когда-нибудь и я вот так же вопьюсь зубами в сочный эскалоп и погоняю запыхавшегося официанта туда-сюда от своего столика к кухне за новыми порциями; может быть, через несколько месяцев, когда допишу роман, но только не сегодня в пятницу, 12 апреля 2013 года.

Звон песни ветра над дверью заставил меня отвести глаза от тарелки с салатом, который я с отвращением ковырял вилкой. У входа стоял Роджер Бергер — мой хороший знакомый и, в каком-то смысле, коллега — он тоже занимался писательством и уже несколько раз печатался в крупных издательствах. Я так и встретил его одним погожим днем — он вместе со мной ждал в приемной главного редактора. Мы разговорились, и, когда нас обоих чуть ли не пинком вышвырнули из кабинета, он вызвался угостить меня в баре. Я не стал отказываться — дела у меня тогда были, чего уж там, ничуть не лучше теперешних. Говорил он один: «Сукины дети, в прошлом году я принес им три тысячи, а теперь они позволяют себе так со мной обращаться!». Роджер помог мне напечатать мои первые рассказы, сказал: «У тебя есть стиль, парень». Мое имя наделало в литературных кругах столько же шума, сколько и теория Большого Взрыва среди католиков — его просто-напросто проигнорировали.

Роджер Бергер — это, конечно же, был псевдоним. Меня бесила вся эта иностранщина, но Роджер ни за что на свете, даже за все золота мира, не согласился бы взять русское (или греческое, или византийское) имя. Таких, как он, в последнее время развелось уж очень много, и чего-чего, а сомнения им было не занимать. Всё ждали, когда известность сама приплывет им в руки, вот только все их потуги стяжать славу напоминали мне попытки ребенка доплюнуть до луны.

Если вы спросите меня: «Эй, а этот Роджер он как собой? Красавец?», — я отвечу: ничего примечательного. Роджеру было тридцать четыре, он уже успел нарастить

небольшой живот, который старательно пытался скрыть. Роджер был очень старомоден, когда вопрос касался выбора одежды — даже сейчас, в жару, он был замурован в серый твидовый костюм и увенчан шляпой (которая, кстати, ему не шла, но никто не рисковал заговорить об этом, даже в шутку). Только одно меня смутило: лицо Роджера сохраняло невозмутимость, даже когда он поносил издателей, свою бывшую жену, креационистов, и вообще всех на свете. Сейчас же весь его вид выражал крайнюю озабоченность, глаза метались из одного угла кафе в другой, красивый тонкий рот открывался и закрывался без его — Роджера — на то согласия.

Наконец он заметил меня, почти бегом подошел к моему столику, сунул мне в руки газету и, продолжая стоять, позвал официанта и сделал заказ:

— Водки, и побольше.

Я не раз видел, как он вливал в себя пиво, красные и белые вина, шампанское, кальвадос и граппу, ром, джин, абсент и текилу, все это вместе в сочетаниях, не обязательно образующих коктейли. Но от водки всегда отказывался, объяснял: «Выпью немного этой дряни, и сразу тянет меня в петлю. Или вниз головой с моста. Сам не знаю, почему. Память, точно, она самая. Отец однажды накатило несколько стопок для храбрости и пошел на быка с голыми руками. Угадай, кто победил?». Похоже, произошло что-то действительно важное, раз он решил проверить себя на способность сопротивляться искушениям.

Он уселся напротив меня, встретил мой недоумевающий взгляд и рявкнул так, что даже люди на улице, проходившие мимо окна кафе, оглянулись на нас (чего уж говорить о тех, кто сидел внутри):

— Читай!

Я развернул газету, просмотрел несколько листов, но не увидел ничего такого, ради чего бы стоило так волноваться. Разве что сводки с политических полей — коммунисты, по результатам предварительного голосования, имели все шансы победить — но я-то знал, что Роджера это не интересовало, он не мог с полной уверенностью сказать, в каком государстве нам довелось жить — монархическом или республиканском. Говорил, его писанине нигде не будут рады.

Я листал дальше. В разделе некрологов помещались живописные рассказы о смерти мелких чиновников и водителей грузовиков, выписанные с мастерством и дополненные такими деталями, от которых мурашки бежали по коже. Я сам на секунду почувствовал себя мертвым. Какие же маньяки работали в этой газете?

— Да нет же, 16 страница.

«КОНЕЦ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» — гласил заголовок. Газета была не из последних (вот только ее название сразу же вылетело у меня из головы), она бы не стала рисковать репутацией, печатая непроверенную информацию. Если все действительно так плохо, я бы тоже сейчас выпил. Я начал читать.

Статья начиналась с таких вот журналистских ремарок: «Наука, как всем известно, дала нам множество чудесных вещей, например, пенициллин и широкоформатные домашние кинотеатры. Но та же наука пятьдесят пять лет тому назад принесла миру ядерную бомбу, а буквально на днях — весть о конце художественной литературы! Хорошо это или плохо — не нам решать, но совершенно точно ясно одно: светлые головы наших ученых избавили бедняг писателей от бессонных ночей, лишних нервов и треволнений! Теперь у них появится больше времени, чтобы заняться общественно полезными делами! Наши улицы давно никто не чистит, а желоба

забились гнилой листвой. Им найдется работенка! Наш корреспондент взял интервью у одного из ученых, ошеломивших нас столь изумительным, поистине потрясающим открытием, перевернувшим наш привычный взгляд на мир, встречайте, доктор Нетлит!».

«Какая странная, прямо таки иностранная фамилия», - отметил я про себя, наколот лист салата на вилку и тоже отправил его внутрь себя.

Наверное, этот журналист раньше работал в цирке и драл глотку, пытаясь перекрыть рычание львов и гомон публики, и, в конце концов, сорвал голос и не мог больше заниматься любимым делом. Вот и пришлось бедолаге сменить профессию. А как еще объяснить столько восклицательных знаков?

Между строк статьи текло елейное масло, хорошо проплаченное и закупленное в больших количествах, выливалось наружу и пачкало стол. Я убедился, что оно не капнуло мне на брюки. Дальше шла зернистая черно-белая фотография — очкастый лысоватый ученый опирается плечом о толстый столб, обвитый проводами, при этом лихо поставив одну ногу за другую пяткой вверх и носком вниз и будто подмигивая читателям. Подпись под фотографией уверяла, что это и есть тот самый доктор Нетлит, профессор точных и не очень наук, и его чудо-машина. А по мне, он был больше похож на подростка из шахматного клуба, из тех, кого поколачивают ребята покрепче. Да, да, обиженный подросток, только с плешью в пол головы.

Следом за фотографией размешалось небольшое интервью. Я взял на себя смелость немного разбавить текст своими собственными замечаниями, чтобы вам было веселей.

Корреспондент: Здравствуйте, доктор! (Дамы и господа, на сцене — Дамбо, диковинка из Индии, таких вы еще не видали!)

Доктор: Здравствуйте,. (Доктор не знал, как обозвать своего собеседника. Тут, как пить дать, повисла неловкая пауза. Корреспондент потел и рылся в своих записях, пытаясь припомнить, к кому же он попал, а доктор скучал и полировал лысину тряпочкой. Наконец, незадачливый журналист, нашел, что хотел).

К: Так все-таки, доктор, расскажите нам о своем изобретении! (О, доктор давно ждал, когда же его спросят, аж весь трясся от нетерпения).

Д: Не вдаваясь в подробности, просто скажу, что мы провернули через лопасти нашего супер-компьютера-мельницы (Ох, нашего эрудита начало заносить куда-то не туда) огромный объем информации. Жернова процессора (а доктор-то оказался поэтом) перемололи все книги мира и на выходе вместо муки мы получили скорбную весть — мы прочли все, что могли бы прочесть! (как вам, а? Даже зарифмовал немного, пускай и коряво. Бьюсь об заклад, в этот момент за окном ударила молния).

К: Как так?!

Д: Все ходы, все персонажи уже где-то кем-то были использованы. Генератор случайных чисел, которым до этого пользовались все писатели, иссяк, как старый родник. Из него уже ничего не выпьешь. (А головастому, судя по всему, нравились такие вот истасканные образы. Хорошо хоть он не был физиком-теоретиком, а то сравнил бы время с текущей рекой).

К: Но, доктор (вот уж заладил, доктор, доктор. Журналистика — это явно не его профессия), человечество со дня на день полетит покорять Марс, разве там не найдется новых сюжетов?!

Д: Нет и еще раз нет. Все уже было. Представьте, что вы читаете «Гамлета» уже в сотый раз, но вместо Горацио и Офелии там проскакивают Иннокентий и какая-

нибудь Джоанна («хи-хи-хи» — в газете этого не напечатали, но я и сам мог представить, как первооткрыватель обсасывает свою остроту). Вот что я вам скажу, писатели, кончайте писать, идите работать! («Ха-ха-ха»).

Там было еще много-много всего, и восклицательных знаков и скучных сравнений, но я вас от этого избавлю.

Внизу еще была крохотная приписка: «если вам понравилась работа корреспондента, можете пожертвовать ему немного своих средств». Когда я увидел имя, все стало на свои места. Борис Блюм. Ну-ну.

Интервью обрывалось на самом интересном месте. Я отложил газету в сторону.

— Бог ты мой, Роджер, как ты мог на такое повестить?

Но Роджер меня не слушал. Он пытался налить в рюмку водки, но его руки тряслись, и он только проливал все на стол. Тогда он принялся хлестать пойло прямо из горла. Его кадык ходил вверх и вниз, водка текла по подбородку. Он осушил бутылку за пару секунд, как может сделать только самый отчаянный безумец, и отбросил её в сторону. Я вжался в пуфик сиденья, пытаюсь угадать, по какой траектории полетит водка, когда вылетит из него, подгоняемая снизу рвотой. Но все обошлось: Роджер сначала заплакал, а потом упал лицом на сложенные руки и затих, словно он был заводной игрушкой, у которой на середине песенки кончились батарейки.

«Эй, крошка, я ненавижу тебя, всем сердцем тебя ненавижу!», - надрывались колонки. Я тоже вас ненавижу, хриплые засранцы. Я осторожно постучал всхлипывающего Роджера по макушке. Он подскочил на месте, закинул голову назад и заревел белугой:

— Уууууу, все кончено!

Этот вопль вызвал переполох во всем зале. Мужчины за столиками крепче сжали в руках столовые ножи, а женщины полезли в сумочки за перцовыми баллончиками. Двое бомжеватого вида парней с анархистскими нашивками на куртках, только-только просунувшиеся в дверь, резко развернулись и убежали прочь без оглядки. Они пересекли улицу и остановились у мусорных бачков. Оттуда один из них выудил гнилой помидор и заученным движением понес его ко рту. Тут уж я не выдержал такого аппетитного зрелища и отвернулся. Немного подумав, я отставил прочь тарелку с недоеденным салатом.

А Роджер и не думал останавливаться, он заливался слезам, которыми можно было заново наполнить выпитую им бутылку. Ко мне подскочил встревоженный официант.

— Сделайте что-нибудь со своим другом.

— Конечно, конечно.

Я взял газету и потащил Роджера прочь из кафе. Раз уж выдался такой случай, можно было и не платить по счету.

Свежий воздух, казалось, немного успокоил Роджера. Но я все равно держал его под локоть, чтобы он ненароком не кинулся под колеса.

— Чего ты распустил сопли? — Роджер обиженно сопел, сегодня он явно был не в настроении. — Как вообще можно было поверить в такую чушь?

От него было не дожидаться ответа. Когда мы проходили по мостку, перекинутому через крохотную тинистую речку, Роджер вырвался из моей хватки и кинулся к ограждению.

— Жизнь моя жестянка!

— А ну, стой! — закричал я ему вслед. А сам подумал: «Ага, значит, не врал

насчет «вниз головой».

Я остановил его, только когда он уже наполовину свесился через металлический поручень. Роджер несколько раз вяло дернулся в моих руках и обмяк.

— Ты чего удумал?!

В моей голове уже сложился целый план, но сначала нужно было избавиться от горе-самоубийцы. Я решил посадить его на автобус в надежде, что он сам найдет путь домой. Мелочи в кармане как раз хватало, чтобы оплатить проезд. В кармане Роджера, конечно же.

Мы прождали автобус двадцать минут. Роджер все это время провел на плече какой-то старушки, боявшейся шевельнуться. Когда грохочущий монстр, наконец, подкатил, я растормошил храпевшего писателя и затолкал его внутрь. Лишь когда дверь зашипела и закрылась, а я преспокойно пошел в другую сторону от остановки, осознание моей чудовищной ошибки чуть не сбило меня с ног. Он же без меня не доедет, убьется по пути! Я бросился назад, но автобус, будто разгадав мои намерения, быстренько улепетнул за угол, чихнув мне в лицо осьминожьим чернильным облаком.

«Его до смерти забьют пассажиры, или он упадет с лестницы, или нарвется на нож, или, или...», — я считал в уме все развязки, которыми могла завершиться недолгая жизнь Роджера. Когда я дошел до перекрестка, их набралось уже семьдесят восемь, они нарастали лавиной и грозили снести хлипкую хибарку моей совести. Но когда я свернул на другую улицу, все сомнения и терзания как рукой сняло, я усмотрел в этом только сюжет для нового рассказа. Я зашагал уверенней и принялся глазеть на номера домов, чтобы не пропустить тот, который был нужен именно мне. Дома тянулись один за другим — шестнадцать, восемнадцать, двадцать — а у подъезда двадцать второго мне под ноги кубарем скатился Коля Катчѐв. Он с уханьем, пересчитывая каждую ступеньку ребрами или задом, пролетел по лестнице и в самом её низу сгруппировался, и ловко встал на ноги, почти не коснувшись земли. Вышло это у него почти что благородно. А мне всегда нравилось смотреть на акробатов, поэтому я протянул:

— Уу, ловко у тебя вышло.

Следом за Колей прилетел и его чемодан. Из окна второго этажа высунулась пропитая морда хозяина и заколыхала толстыми брылами: «И не смей возвращаться!». За этим чуть не последовал растопыренный полет навстречу асфальту. Коля оправился и пожал мне руку — мы с ним были давно знакомы, вот уже три года как. Я помог ему собрать рассыпавшиеся вещи. Среди них были чудом уцелевшие склянки и пробирки, из которых несло адским серным смрадом. Да и сам Коля пах не лучше. И нам как назло было по пути.

— Что на этот раз? — ох, сколько раз я уже видел, как Коля вот так вот вылетал из подъезда.

Он просто пожал плечами:

— Алхимия. Пытался найти философский камень.

Я и не удивился такому ответу: всего за два года Коля успел перебивать кладоискателем и охотником за жемчужинами, а однажды заделался врачом и попытался вывести сыворотку против рака. Он все время что-то искал, только чтоб не загнуться от скуки. Ведь вот в чем было дело: когда-то он был писателем, а потом перестал им быть. С тех пор и мается.

«Я хотел написать всего один роман, а вышло восемь с половиной», — вот как он объяснил свой поступок. Совсем разочаровался в литературе, пообещал больше

никогда не брать пера в руки. Он спрятал свой талант в сундуке в темной келье где-то за мозжечком и навесил на него семь пудовых замков, и сам превратился в постмодернистского анахорета, который живет в самом центре города и все равно умудряется ни с кем не общаться. А ведь в свое время его осыпали похвалами и оглушили овациями. Ну дурак дураком, зачем было отказываться? Я решил немного его раззадорить и протянул ему газету.

— Видал уже?

Он принялся читать прямо на ходу. Я помогал ему обходить ямы и фонарные столбы. Вдруг он остановился как вкопанный и больше не двигался с места. Его челюсть отвисла, а глаза то зажигались, то гасли, словно семафорные огни. Я не знал семафорной азбуки, но она и не была нужна, чтобы разгадать смысл посланий — у Коли что-то переворачивалось в мозгу. Газета выскользнула из его рук, он нагнулся и подобрал ее и снова двинулся вперед, и застрочил обоймами слов:

— Вот смотри, я бросил писательство, потому что понял — ничего меня там не ждет. Все сгнило, и писать — это значит только раз за разом вываливать кому-то на голову шматы гнилого мяса, а читать — это значит их жрать. Уж не знаю, на каких подпорках держался этот обман все эти годы, и как это я сразу его не разглядел, но вот оно — подтверждение моих слов, — он потряс газетой у меня перед лицом. — Вот! Теперь все знают — литература сдохла! Ха-ха! А ты понимаешь, что теперь будет? — и, не дожидаясь моего ответа, он продолжил: — Теперь она переродится, восстанет из праха и пепла, как этот чертов феникс. И знаешь, кто её поведет вперед? Я! Первым делом я сожгу все книги, написанные до сегодняшнего дня.

Еще один. Этот самолюбивый поток лился и лился, и я уже привык к его журчанию, когда Коля неожиданно сбился и залепетал:

— Хотя, постой-ка, подожди... Стоит мне коснуться её только мизинцем, как она сразу же начнет истлевать и умирать. Так что же — не писать совсем?! Да, не писать. Точно.

Прошло еще пару секунд:

— Но если не писать, не наполнять жизнью, литература умрет сама по себе. Нет, нет, писать надо. Но ведь тогда ей конец. О, что же делать?!

Тут Коля сбился на какое-то совсем уж неразборчивое бормотанье. Мы прошли еще несколько шагов, и он неожиданно вскрикнул и повалился на землю. Он изогнулся дугой и достал носом до кончиков ботинок, приняв форму круга, по которому сейчас носились его мысли.

— Коля, тебе помочь?

Сквозь сцепленные зубы он процедил «Нет».

— Как скажешь.

Он упал как раз возле того подъезда, к которому я держал путь. Я аккуратно обогнул его и зашел внутрь.

Знаете, я всегда испытывал жгучую страсть к разного рода живописи. Барокко, классицизм, им и экспрессионизмы, реализм и кубизм, пейзажи, портреты, баталии, натюрморты — на все это я мог глазеть часами, по целым дням не выходя из галерей. Но живопись никогда не отвечала мне взаимностью, сколько бы времени я ей не посвящал, как бы ни держал кисточку, и в каких сочетаниях не смешивал краску. Эта неразделенная любовь когда-то и свела меня с Александром, Сашей Немых. Оба мы,

горемыки, увивались за этой несговорчивой дамой, да только я отстал на полпути, а Саша и по сей день не оставил своих попыток. Самоучка, он никогда не бывал ни в каких художественных школах, и пытался все постичь сам. Рисовать, стирать, сжигать, выметать пепел, пить, бросать на стены, снова браться за кисть — в этом был весь он. Выходило с каждым разом все лучше и лучше, ему даже удалось протолкнуть пару своих картин в какие-то никому не известные музейчики. Из принципа он не шел ни на какую работу, и поэтому все время жил впроголодь, грыз сухарь да пил воду из-под крана. А еще он был неисправимый хохмогон и все время сыпал шутками. Вот такими, например: «Раздается звонок. Тристан Тцара подходит к телефону, берет трубку и говорит: «Да-да?»».

Вот к такому человеку я и попал. Когда-то давно Саша пошел по стопам Моне и снял квартиру, выходящую окнами на перерабатывающий завод. Теперь он корпел над собственной серией картин под названием «Тридцать видов на дымящуюся трубу». Он ловил мельчайшую, незаметную для простого глаза, игру солнечных лучей, пронизывающих плотный смог, легкими, воздушными штрихами передавал танец света и тени на подмостках чадной сцены. Но картин накопилось уже куда больше тридцати: неудачные полотна Саша не выбрасывал, а пускал в дело. Он сшил из них шторы и одеяло, постелил перед входом коврик для ног, использовал их как салфетки и боюсь представить что еще.

Когда я зашел в комнату (не забыв, конечно, вытереть ноги), то застал художника за работой: Саша стоял перед распахнутым окном, оголив свой совсем не греческий торс, и черными галками вырисовывал на картине взмывших в небо пичуг. Я крикнул прямо с порога:

— Совсем обнищал! Почему бы тебе не смастерить из своей мазни рубашку? Околеешь ведь.

Саша рывком обернулся, повалив мольберт, и пошел на меня, как взъяренный бык. Его глаза налились кровью, а на скулах заиграли желваки. Он, похоже, совсем свихнулся. Я приготовился дать отпор, но Саша вдруг невесело засмеялся и сгреб меня в охапку, отчего затрещали его и мои ребра. Когда он меня отпустил, я пошатнулся и грохнулся на услужливо подставленный стул.

Саша сегодня был не в духе, и даже мягкая, словно зефирная, погода за окном не смягчала черноты мешков, набрякших под его глазами.

— Ты чего такой смурной?

Но Саша пропустил вопрос мимо ушей и сам перешел в наступление.

— С чем пожаловал?

— Вот, — я подал ему раскрытую газету.

Саша углубился в чтение, бегал глазами по строчкам, высунув кончик языка изо рта. Дойдя до конца, он поднял глаза над страницей и со скукой посмотрел на меня, сказал «Ага» и начал листать газету дальше.

— Что ты об этом ду...

Неожиданно Саша издал победный клич, подбежал к столу и выдернул из него ящик, да так, что тот отлетел в другой угол комнаты, выудил из него громадные ножницы, которыми пользовалась еще нежить у Гойи, защелкал лезвиями и отделил голову её Величества Королевы Английской Елизаветы II от её монаршего тела. Никогда она не думала, что разделит судьбу Карла I. Саша вскочил на кровать, над которой висел коллаж, лизнул голову языком и приклеил её на один из концов дождевого червя. На

другом его конце уже красовалась голова Дэвида Кэмерона. Над червем зависло лезвие гильотины.

— Никогда не знал, что ты увлекаешься политикой.

Саша сразу же повеселел и изготвился порадовать меня еще одной искрометной шуткой.

— Эй, знаешь, что отличает Камю от Сартра?

— Нет, — подыгрывай безумцу, вот мое правило. Кто знает, что творится у него в башке.

— Взгляд на мир, - Саша захохотал.

Ну и ну. Ха-ха.

Саша вернулся к мольберту и поднял его с пола. Если он снова начнет малевать, ответа от него будет не добиться.

— Что насчет статьи?

— Не верю, и тебе не советую. Вы, бумагомараки, как тараканы. Нет от вас спасу.

Это было все, что я хотел от него услышать. Но уходить так быстро было неудобно, поэтому я остался сидеть и стал глазеть по сторонам. Кроме вездесущих картин и мольберта над кроватью, комната была битком набиты и другим хламом: с потолка свисали журавлики оригами, на полочках громоздились кособокие вазы, а в угол закатилась гипсовая голова. Похоже, Саша успел попробовать себя во всем. Реакция у меня уже была не та, и я не уследил за тем, как Саша схватил огромную кисть, которой можно было в пару движений закрасить всю Берлинскую, а то и Великую Китайскую стену, и непонятно зачем вмазал газету в холст, так, что она легла поверх рисунка. Художник, что с него взять. Я попытался стянуть газету, но Саша замахнулся на меня кулаком, и я потихоньку выскользнул из комнаты, без резких движений, чтобы не нервировать его. Удовольствоваться мне оставалось тем, что хоть одного человека я сделал сегодня счастливым.

На улице возле Коли собралась порядочная толпа. Высоченные люди обступили его стеной, и мне только и оставалось, что выглядывать из-за их плеч. Скрюченного Колю пытались разогнуть двое санитаров. Один изо всех сил тянул его за ноги, а другой — за шею, но Коля все никак не принимал нормальную позу, матерился и плевался. Санитары взмокли и оставили попытки.

— Что у него, как думаешь?

— Может, столбняк?

— Нет, при столбняке в другую сторону выгибаются.

— Тогда не знаю.

Я-то знал, но медицина тут была бессильна. Да и поделом ему. «Сожгу все книги», — это ж надо такое придумать.

Мне надо было вернуться к Роджеру. Его квартира была совсем близко, минут двадцать-тридцать пешком. По пути я думал о словах Саши. Сравнение с тараканами, конечно, было обидное, но справедливое. Надеюсь только, что Роджера оно успокоит. Он ведь всю жизнь только и мечтал о том, чтобы однажды утром проснуться тараканом.

Ютился Роджер в двухкомнатке на пятом этаже, куда он переехал сразу же после свадьбы. Счастье у молодоженов было недолгим, но бурным, и вылилось в одного розовощекого пупса, собаку спаниеля и разбитые сердца. И еще в разбитые копилки, из которых Роджер выплачивал алименты. Горе-писатель никак не мог забыть свою

женушку, хоть и скалил зубы каждый раз, как замечал ее на горизонте. Она все не шла у него из головы, и аромат её духов до сих пор витал по комнатам, сколько бы Роджер не проветривал квартиру.

Дверь в квартиру Роджера была распахнута настежь. Что ж, он, по крайней мере, добрался домой цел и невредим. На двери плясали отсветы пламени. Еще поднимаясь по лестнице, я закричал:

— Эй, Роджер, не знал, что у тебя есть камин.

Я просунул голову в дверной проем и застал такую картину: Роджер, весь исхудавший и осунувшийся, с провисшей на животе рубашкой, стоит перед горячей грудой бумаги. Он пялил глаза на зажженную спичку, которая уже обжигала ему пальцы. Когда та догорела, он зажег новую. Я осмотрелся: по всей квартире с дребезжанием катались бутылки от водки, будто бы мы попали на корабль во время шторма. Больше всего бутылок было навалено в углу, из них Роджер уже успел построить маленькую пагоду. Роджер не заметил моего появления. Я встал рядом с ним и уставился в пламя костра. Я успел увидеть, как огонь сожрал завитушки букв, из которых в свое время состояло название романа. Роджер сжигал одну за другой спички, пока не закончился коробок, а потом вместе со мной принялся всматриваться в свое догорающее прошлое.

— Зачем ты это сделал?

Роджер молчал.

— У тебя остались черновики?

Он медленно, со скрипом корабельной оснастки повернул ко мне голову. Мне стало не по себе, когда я увидел его лицо, одъявольённое адским пожаром.

— Они в ванной.

Я влетел в ванную, только чтобы найти там еще один костер. Роджер развел его прямо в раковине. Я врубил горячую и холодную воду разом и чуть не обварил себе лицо паром. Когда дым рассеялся, на месте листков осталась одна серая спрессованная жеванина. Из этого уже ничего нельзя было выудить.

Я вернулся в зал и сбил пламя одеялом. Все равно рукопись уже было не спасти.

— Роджер, Роджер! Ты меня слышишь? — я тряс писателя за плечи. — Ты поторопился. Я еще всем докажу, что литература не мертва.

Глаза Роджера так и оставались стеклянными. Я запер его в пустой кладовой, где только и было что паутина да ссохшиеся мухи. Там он себе не навредит, даже негде разбежаться, чтоб расшибить голову. Еще я дал ему оплывший, но почти что целый, кубик Рубика, который нашел на пепелище. И зачем только ему понадобилось его сжигать?

— Ты это, Роджер, подожди немного. Я скоро вернусь с хорошими вестями. И, воодушевленный собственными словами, я поспешил домой.

[Продолжение читайте здесь!](#)

Благодарности

Редакция газеты «Беседы у камина» выражает благодарность всем людям, которые помогли в создании 18 номера. А именно, Нине Гавриковой, Наталии Коденцовой, Дарье Кошевой и Юлии Ложкиной, за помощь в подборе материала.

Контакты

Наш электронный адрес — gazeta_buk@mail.ru

Адрес нашего сайта — <http://buk-journal.ru>

Адрес нашего форума — <http://buk-journal.ru/forum/>

Адрес нашей группы на сайте Вконтакте — http://vk.com/buk_journal

Адрес нашей страницы на сайте stihi.ru — <http://stihi.ru/avtor/gazetabuk>

Адрес нашей страницы на сайте proza.ru — <http://proza.ru/avtor/gazetabuk>

Адрес нашего блога — http://blogs.mail.ru/mail/gazeta_buk/

